

**Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение практики и правовых позиций
международных договорных¹ и внедоговорных органов
по делам, связанным с защитой прав² лиц, в
отношении которых направлен запрос о выдаче³**

(обновленное по состоянию на 31 октября 2018 г.)⁴

2018 г.

¹ Включая Европейский Суд по правам человека (далее – также Европейский Суд, Суд).

² Речь идет о праве на жизнь, праве не подвергаться пыткам, иному недопустимому обращению (наказанию), праве на свободу и личную неприкосновенность, праве на справедливое судебное разбирательство, праве на уважение семейной (частной) жизни, праве на эффективные средства правовой защиты.

³ Перечень упомянутых в *Обобщении* правовых позиций не носит исчерпывающего характера. В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

⁴ В 2017 г. было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по делам (вопросам), связанным с защитой права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)*. Режим доступа: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26325

Оглавление

1.	Общие положения.....	3
2.	Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу могут быть применены пытки, иное недопустимое обращение (наказание).....	12
2.1.	Оценка <i>общей ситуации</i> с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве.....	16
2.2.	Оценка наличия <i>личной</i> угрозы в запрашивающем государстве	18
3.	Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу может быть применена смертная казнь	19
4.	Оценка риска назначения в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица не подлежащего смягчению наказания в виде пожизненного лишения свободы	23
5.	Оценка риска того, что в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица может быть допущено грубейшее нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, права на справедливое судебное разбирательство	26
6.	Вопрос о достаточности дипломатических гарантий, предоставляемых запрашивающим государством	32
7.	Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе осуществления выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора	35
7.1.	Продолжительность применения в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу	37
7.2.	Право на незамедлительное сообщение выдаваемому лицу о причинах его ареста и предъявленных обвинениях	39
7.3.	Автоматический пересмотр решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, избранной в отношении выдаваемого лица	39
7.4.	Право на оперативное рассмотрение жалобы на решение об избрании в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока содержания его под стражей	40
8.	Обеспечение принципа презумпции невиновности в отношении выдаваемого лица	41
9.	Защита права выдаваемого лица на уважение частной (личной), семейной жизни	42
10.	Обеспечение выдаваемого лица эффективными средствами правовой защиты ...	43
11.	Практика международных договорных органов	44
11.1.	выдача в Азербайджанскую Республику	44
11.2.	выдача в Республику Беларусь	46
11.3.	выдача в Республику Казахстан	49
11.4.	выдача в Колумбию	54
11.5.	выдача в Кыргызскую Республику	55
11.6.	выдача в Мексиканские Соединенные Штаты	65
11.7.	выдача в Республику Таджикистан.....	67
11.8.	выдача в Туркменистан	77
11.9.	выдача в Республику Узбекистан.....	81

1. Общие положения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации⁵

[С] точки зрения публичного международного права *юрисдикционная компетенция государства имеет прежде всего территориальный характер*. Соответственно, возможность государства осуществлять юрисдикцию над своими гражданами за границей ограничена территориальной компетенцией другого государства и государство, как правило, не может осуществлять юрисдикцию на территории другого государства, без согласия последнего, приглашения или одобрения. *Статья 1 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.⁶]⁷ должна рассматриваться как отражающая обычное и в существенной степени территориальное понятие юрисдикции* (пункт 206 постановления от 7 января 2010 г. по делу *Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации*).

Договаривающееся Государство вправе на основании общепризнанных норм международного права и договорных обязательств, включая Конвенцию [о защите прав человека и основных свобод], контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Конвенция и Протоколы к ней не предусматривают право на предоставление политического убежища... Европейским Судом в качестве прецедента давно установлено, что выдача Договаривающимся Государством может затрагивать вопросы по статье 3 Конвенции⁸ и, следовательно, повлечь ответственность такого государства в соответствии с Конвенцией, когда есть веские основания полагать, что данное лицо может, в случае его выдачи, столкнуться с реальной опасностью подвергнуться запрещенному статьей 3 Конвенцией обращению в принимающем государстве. Установление такой ответственности в обязательном порядке включает оценку условий в запрашивающем государстве с точки зрения стандартов статьи 3 Конвенции. Тем не менее вопросы вынесения судебного решения в отношении ответственности

⁵ Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека, принятых *по делам в отношении Российской Федерации*, получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

⁶ Далее - Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенция.

⁷ В силу статьи 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся *под их юрисдикцией*, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции».

⁸ В соответствии со статьей 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «[н]икто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

принимающего государства, а также установления такой ответственности на основании международного права в целом, Конвенции или иным образом, не рассматриваются. Любая ответственность, которую возлагает или может возлагать Конвенция, распространяется на государство-участника, осуществляющее выдачу, в связи с его действиями, прямым следствием которых является риск для лица подвергнуться запрещенному жестокому обращению... *Едва ли можно было считать соответствующим «общему наследию политических традиций, идеалов, свободы и положений закона», на которые ссылается преамбула Конвенции, если бы Договаривающиеся Государства производили выдачу лица другому государству, заранее зная о том, что существуют веские основания полагать, что данное лицо будет подвергаться пыткам или бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию...*

При определении наличия веских оснований, дающих основание предполагать существование действительного риска жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, Европейский Суд оценивает данный вопрос в свете и на основании всех представленных ему доказательств и фактов по делу либо, при необходимости, на основании данных, полученных по собственной инициативе. Так как характер ответственности Договаривающегося Государства в соответствии со статьей 3 Конвенции в делах подобного рода заключается в том, что государство подвергает лицо риску ненадлежащего обращения, *наличие самого риска должно в первую очередь оцениваться с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающейся Стороне в момент осуществления выдачи;* тем не менее Европейскому Суду не воспрещается принимать во внимание информацию, появившуюся после выдачи. Это может иметь значение при подтверждении или опровержении оценки обоснованности или необоснованности опасений заявителя, представленной Договаривающимся Государством...

Тем не менее если заявитель не был выдан или депортирован во время рассмотрения дела Европейским Судом, то таким моментом будет считаться период судебного разбирательства... Подобная ситуация может возникнуть, когда выдача или депортация была отложена в результате указаний Европейского Суда о применении обеспечительных мер на основании правила 39 Регламента Европейского Суда. В большинстве случаев такое указание значит, что Европейский Суд не обладает совокупностью всех необходимых доказательств для установления существования незаконного в соответствии со статьей 3 Конвенции обращения в стране, в пользу которой осуществляется выдача....

[Д]остаточно даже незначительной степени жестокости при таком обращении, чтобы оно попадало под действие статьи 3 Конвенции. Оценка такого минимального уровня, исходя из природы вещей, является относительной; его определение зависит от всех обстоятельств дела, таких, как характер и сопровождающие такое обращение или наказание обстоятельства,

способ и метод исполнения, продолжительность, а также физические и психологические последствия... Заявления о наличии жестокого обращения должны надлежащим образом основываться на доказательствах (пункт 115 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

*Европейскому Суду хорошо известны огромные трудности, с которыми в настоящее время сталкиваются государства-участники при защите своего общества от террористической жестокости. Однако даже в этих условиях Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] накладывает абсолютный запрет на пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения потерпевшего. Запрет ненадлежащего обращения, предусмотренный статьей 3 Конвенции, является равным образом абсолютным по делам о выдворении или выдаче. Таким образом, как только возникают существенные основания полагать, что лицо столкнется с реальным риском подвергнуться ненадлежащему обращению в нарушение статьи 3 Конвенции в случае передачи в другое государство, обязанность Договаривающегося Государства защищать его или ее от такого обращения подразумевается в случае выдворения или выдачи. При этих обстоятельствах деятельность обсуждаемого лица, даже нежелательная или опасная, не может быть предметом рассмотрения (пункт 126 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).*

Защита, предоставляемая статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в любом случае шире защиты, в соответствии со статьями 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года⁹ (пункт 109

⁹ В силу статьи 32 Конвенции о статусе беженцев «1. Договаривающиеся государства не будут высылать законно проживающих на их территории беженцев иначе, как по соображениям государственной безопасности или общественного порядка.

2. Высылка таких беженцев будет производиться только во исполнение решений, вынесенных в судебном порядке. За исключением случаев, когда этому препятствуют уважительные соображения государственной безопасности, беженцам будет дано право предоставления в свое оправдание доказательств и обжалования в надлежащих инстанциях или перед лицом или лицами, особо назначенными надлежащими инстанциями, а также право иметь для этой цели своих представителей.

3. Договаривающиеся государства будут предоставлять таким беженцам достаточный срок для получения законного права на въезд в другую страну. Договаривающиеся государства сохраняют за собой право применять в течение этого срока такие меры внутреннего характера, которые они сочтут необходимыми».

Согласно статье 33 Конвенции о статусе беженцев «1. Договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев в страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

2. Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или

постановления от 20 мая 2010 г. по делу *Хайдаров против Российской Федерации*).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

Суд повторяет, что он отдает полный отчет о сложностях, с которыми сталкиваются государства в вопросах защиты их населения от террористического насилия, которое само по себе является серьезной угрозой правам человека. Следовательно, Суд проявляет осторожность, чтобы не недооценить масштабы опасности и угрозы, которую представляет терроризм для общества ... Суд считает обоснованным тот факт, что, перед лицом такой угрозы, Договаривающиеся государства занимают жесткую позицию в отношении участвующих в террористических актах... Наконец, Суд не упускает из виду фундаментальной цели экстрадиции¹⁰, которая состоит в том, чтобы не дать беглым преступникам скрыться от правосудия, а также и той благотворной для всех государств цели, которую она преследует, в мире, где преступления обретают более широкий международный характер (пункт 117 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).¹¹

[Р]ешение одного из Договаривающихся Государств о передаче лица – и, собственно, сама передача – может вызвать вопросы в соответствии со статьей 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], если имеются веские основания полагать, что, в случае передачи, данное лицо подвергнется реальному риску обращения, противоречащего этому положению, в стране назначения... *Если было установлено, что высылающее государство знало или должно было знать, в соответствующее время, о том, что лицо, передаваемое с его территории, является субъектом «специальной перевозки», то есть, «внесудебной перевозки лиц из одной юрисдикции или государства в другое, для целей содержания под стражей и допроса за пределами нормальной правовой системы, когда имеется реальная опасность пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения», вероятность нарушения статьи 3 особенно высока и считается*

осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны».

¹⁰ Здесь и далее под упоминаемым понятием «экстрадиция» понимается процедура выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или для исполнения приговора.

¹¹ Заявитель жаловался, что его экстрадиция в Соединенные Штаты Америки подвергла его риску обращения, воспрещенного статьей 3 Конвенции. Он утверждал, что преступления А и В, в связи с которым была разрешена его экстрадиция, влекут за собой приговор к пожизненному тюремному заключению, который не подлежит смягчению *de facto*, и что в случае осуждения у него не будет никакой надежды на освобождение.

присущей такой передаче (пункт 454 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).¹²

*Практика Комитета ООН по правам человека*¹³

Комитет отмечает, что *статья 7 [Международного пакта о гражданских и политических правах]*¹⁴ и вытекающий из нее принцип недопустимости принудительного возвращения носят абсолютный характер и что никто не должен лишиться предусмотренной в этой связи защиты, даже если соответствующее лицо представляет угрозу для национальной безопасности (пункт 9.5 Соображений Комитета по правам человека от 8 ноября 2017 г. по делу *Мерхдад Мохаммад Джамшидиан против Республики Беларусь*).

¹² Жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции касаются как материального, так и процессуального аспекта этого положения.

1) В отношении предполагаемого жестокого обращения и содержания под стражей в Польше, заявитель утверждал, что Польша нарушила статью 3, сделав возможным применение к нему пыток и жестокого обращения на своей территории. Польша знала и должна была знать о Программе специальных перевозок ЦРУ, существовании «черной площадки» в Старе Кейкуты, а также о пытках и бесчеловечном и унижающем достоинство обращении, которым ЦРУ подвергало «особо важных задержанных» в рамках этой программы. Несмотря на это, Польша намеренно и сознательно позволила ЦРУ содержать его под стражей на базе спецслужб Старе Кейкуты, которая использовалась для целей Программы ЦРУ в течение около 6 месяцев.

2) Что касается своего перевода из Польши, заявитель утверждал, что Польша сознательно и преднамеренно участвовала в его передаче со своей территории, несмотря на серьезные основания полагать, что есть реальный риск, что он подвергнется дальнейшему обращению, противоречащему статье 3, со стороны ЦРУ.

3) Он также жаловался на нарушение статьи 3, взятой отдельно и в совокупности со статьей 13 Конвенции, в связи с тем, что польские власти не провели «эффективное и тщательное расследование», по смыслу этого положения, его утверждений о жестоком обращении во время его содержания под стражей в тюрьме ЦРУ в Старе Кейкуты.

Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156791>

¹³ Переведенные на русский язык тексты решений и иных документов договорных и внедоговорных органов, действующих в рамках Организации Объединенных Наций, включая Совет ООН по правам человека, выдержки из которых приведены в настоящем Обобщении, размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>

Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

¹⁴ Согласно статье 7 указанного Пакта «[н]икто не должен подвергаться пыткам или жестокому бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам».

Российская Федерация является участником указанного международного договора.

*Практика ООН Комитета против пыток*¹⁵

Применение статьи 3 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания]¹⁶ ограничивается случаями, когда существуют серьезные основания полагать, что автору может угрожать применение пыток, определение которых содержится в статье 1 Конвенции (пункт 1 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

[У]потребляемое в статье 3 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] выражение «*другое государство*» означает государство, куда высылается, возвращается или выдается соответствующее лицо, а также любое государство, куда автор может быть впоследствии выслан, возвращен или выдан (пункт 2 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

¹⁵ Комитет ООН против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

¹⁶ В соответствии со статьей 3 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. «1. Ни одно государство - участник не должно высылать, возвращать (*refouler*) или выдавать какое-либо лицо *другому государству*, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

2. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека».

*Практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации
в отношении женщин¹⁷*

[П]ринцип недопустимости принудительного возвращения по сути означает, что государство не вправе возвращать лиц на территорию, где они могут подвергаться преследованиям, в том числе в связи с гендерными формами и основаниями для такого преследования. Он также напоминает о том, что принцип недопустимости принудительного возвращения является важнейшим компонентом убежища и международной защиты беженцев. Комитет... напоминает о своих решениях, в соответствии с которыми *статья 2 d) Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин]* включает обязательство государств-участников оградить женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия, независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства-участника¹⁸. Комитет... [обращает внимание на то], что насилие по признаку пола является формой дискриминации в отношении женщин и включает в себя действия, которые причиняют ущерб и страдания физического, психологического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы¹⁹ (пункт 6.4 Решения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 17 февраля 2014 г. по делу *Н. против Нидерландов*).

*Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в
рамках Совета ООН по правам человека*

Выдача может иметь место лишь при наличии соответствующей просьбы со стороны государства, отличного от государства, на территории которого обнаружен подозреваемый в терроризме. В отсутствие просьбы о выдаче международное право также признает право государств высылать или депортировать со своей территории неграждан, представляющих угрозу

¹⁷ Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

¹⁸ См., например, сообщение № 33/2011, *М.Н.Н. против Дании*, Решение от 15 июля 2013 года, пункты 8.5–8.10; и сообщение № 35/2011, *М.Е.Н. против Дании*, Решение от 26 июля 2013 года, пункты 8.4–8.9.

¹⁹ См. пункт 6 Общей рекомендации № 19.

*для национальной безопасности*²⁰. Депортацию или высылку отличает, однако, от практики произвольных выдач то, что они предусмотрены национальным законодательством и осуществляются после административной процедуры, завершающейся принятием решения, которое доводится до сведения подлежащего высылке или депортации лица и которое может быть оспорено в суде. Эта возможность оспорить удаление с территории государства имеет важнейшее значение для отстаивания *принципа невозвращения* (пункт 43 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Статья 15 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма²¹ *признает обязанность государств* проводить расследование фактов предполагаемого преступления, связанного с терроризмом, судебного преследования и *выдачи предполагаемого виновника*. По мере усиления транснационального характера террористических сетей происходит соответственное развитие международного сотрудничества и правовой взаимопомощи в проведении расследований и судебном преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, связанных с терроризмом. Теперь государства обязаны сотрудничать в транснациональных контртеррористических расследованиях (включая арест и задержание подозреваемых) по запросу о правовой взаимопомощи и выдаче подозреваемых и лиц, скрывающихся от правосудия. *Однако эти обязательства вступают в силу при условии соблюдения государствами изначальных международных обязательств об отказе в предоставлении такой помощи, если в результате лицо подвергнется реальному риску применения к нему пыток или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или «вопиющей несправедливости»* (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/20/14. Размещен 4 июня 2012 г.).

Специальный докладчик с обеспокоенностью отмечает рост числа сообщений об отказе государств, в том числе государств – участников Конвенции о статусе беженцев, предоставить защиту просителям убежища, опасаящимся возвращения в страну своего происхождения *из-за страха преследований по причине их религии или убеждений*. Это включает в себя практику принудительного возвращения беженцев, опасаящихся преследований по признаку расы, религии, национальности или принадлежности к определенной социальной группе или на основании политических убеждений. Как отмечали различные международные механизмы, включая Комитет по правам человека, Комитет против пыток и Европейский [С]уд по правам человека,

²⁰ См. пункт 2 статьи 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года.

²¹ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

международным правом предусмотрен строгий запрет на принудительное возвращение: статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 3 Конвенции против пыток и статья 3 Европейской конвенции о правах человека не допускают исключений. Вышеупомянутые договорные органы, а также Европейский [С]уд по правам человека подтвердили, что принцип недопустимости принудительного возвращения носит характер *jus cogens* в случае, если просителю убежища грозит серьезная опасность пыток и соответствующего жестокого обращения (A/71/269, пункт 78) (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений. Размещен 17 января 2017 г. A/HRC/34/50).

В международном праве прав человека принцип невозвращения явно оговаривается в статье 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая запрещает передачу лица в страну, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. В Международном пакте о гражданских и политических правах обязательство не выдавать, не депортировать, не высылать или не передавать иным образом какое-либо лицо, хотя прямо и не зафиксировано в отдельном положении, не ограничивается угрозой применения пыток, а распространяется также и на нарушения права на жизнь и, кроме того, на жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания²² (пункт 45 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Практика «произвольных выдач», т.е. неофициальной передачи того или иного лица из-под юрисдикции одного государства под юрисдикцию другого в результате переговоров между административными органами двух стран (часто разведывательными службами) без обеспечения процедурных гарантий, безоговорочно противоречит требованиям международного права. Когда правительство уклоняется от обеспечения процедурных гарантий, в частности права потерпевшего быть выслушанным, оно не может добросовестно заявить, что предприняло разумные шаги по защите прав человека этого лица после его передачи, включая право не подвергаться произвольному задержанию. Следовательно, оно будет разделять ответственность за последующее произвольное задержание (пункт 50 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

²² См., например, пункт 12 Замечания общего характера № 31 Комитета по правам человека относительно статьи 2 Пакта.

2. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу могут быть применены пытки, иное недопустимое обращение (наказание)

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

В свете своей... правоприменительной практики Европейский Суд должен установить, имелся ли *действительный риск* жестокого обращения в случае выдачи..., и был ли этот риск оценен до принятия решения о выдаче со ссылкой на факты, которые были или должны были быть известны в момент выдачи (пункт 77 постановления от 7 июня 2007 г. по делу *Гарабаев против Российской Федерации*).

Чтобы определить, имеется ли угроза жестокого обращения, Европейский Суд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя в принимающее государство, учитывая общую ситуацию в указанном государстве и его личные обстоятельства... В принципе заявитель обязан представить доказательства, подтверждающие наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного [с]татьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... Если такие доказательства представлены, государство-ответчик обязано рассеять любые сомнения в связи с ними (пункт 112 постановления от 19 июня 2008 г. по делу *Рябикин против Российской Федерации*).

Оценивая доказательства, на основании которых принимается решение о том, имело ли место нарушение [с]татья 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], Европейский Суд применяет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», но добавляет, что такое доказывание может следовать из совокупности достаточно четких, ясных и последовательных выводов или аналогичных неопровержимых презумпций фактов. В этом контексте следует принимать во внимание поведение сторон при получении доказательств (пункт 76 постановления от 7 июня 2007 г. по делу *Гарабаев против Российской Федерации*).

При рассмотрении такой угрозы²³ Европейский [С]уд оценивает ситуацию *в ее развитии*, принимая во внимание данные об *улучшении* или *ухудшении* ситуации с правами человека в целом или в отношении конкретной группы или территории, которые могут относиться к положению заявителя (пункт 34 постановления от 11 октября 2011 г. по делу *Шарипов против Российской Федерации*).

²³ Заявитель подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Прецедентная практика Суд по вопросу нарушений статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не требует, чтобы внутригосударственные суды точно устанавливали, будет ли лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, подвергнуто пыткам в случае его возвращения на родину: единственное, что необходимо установить — это существование «реальной опасности» жестокого обращения... Суд напоминает, что «требовать от заявителя предоставления «неоспоримых» доказательств опасности жестокого обращения в запрашивающей стране — это все равно, что требовать от него доказательства того, что что-то произойдет в будущем, а это невозможно; в этом случае на заявителя было бы возложено явно несоразмерное бремя»... Любое утверждение такого рода всегда касается *возможности*, чего-то, что *может* произойти или не произойти в будущем. Следовательно, подобные утверждения нельзя доказать таким же образом, как прошлые события. *От заявителя можно требовать лишь доказательств* (со ссылкой на конкретные факты, имеющие отношение, к нему самому и к той категории лиц, к которой он относится) наличия *высокой вероятности* того, что он будет подвергнут жестокому обращению (пункт 128 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Азимов против Российской Федерации*).

*В принципе, заявитель должен предоставить доказательства, которые позволят подтвердить наличие серьезных оснований полагать, что если назначенная мера будет принята, то он подвергнется реальному риску применения к нему обращения, противоречащего статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... Когда такие доказательства представлены, Властям следует опровергнуть возможные сомнения, которые могут возникнуть на основании данных доказательств (пункт 62 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).*

Чтобы оценить существование данного риска²⁴, необходимо прежде всего сослаться на обстоятельства, которые рассматриваемое государство учитывало или должно было учитывать *на момент экстрадиции* или высылки... Однако если высылка не была осуществлена на момент рассмотрения дела Судом, то Суд должен осуществить данную оценку в свете соответствующих обстоятельств, принимая во внимания предшествующие факты в той степени, в которой такие факты могут прояснить сложившееся положение дел (пункт 58 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

²⁴ Что заявитель подвергается, в выдачи, реальному риску жестокого обращения, противоречащему статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский Суд должен быть убежден в том, что оценка,²⁵ данная властями Договаривающегося Государства, является адекватной и достаточно подкрепленной материалами, полученными как на внутрисударственном уровне, так и материалами из других надежных и объективных источников, таких, как, например, другие Договаривающиеся или недоговаривающиеся государства, органы ООН и уважаемые неправительственные организации. В рамках задачи по надзору в соответствии со статьей 19 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] слишком узкий подход применялся бы в соответствии со статьей 3 Конвенции по делам, касающимся иностранцев, подлежащих высылке или выдаче, если бы Европейский Суд, как международный суд по правам человека, учитывал лишь материалы, представляемые властями рассматриваемого Договаривающегося Государства без сравнения их с материалами из других надежных и объективных источников (пункт 120 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники [Международного пакта о гражданских и политических правах], в котором он упоминает *обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта* (пункт 12). Комитет напоминает..., что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств-участников (пункт 9.2 Соображений Комитета по правам человека от 8 ноября 2017 г. по делу *Мерхдад Мохаммад Джамиидиан против Республики Беларусь*).

Практика ООН Комитета против пыток

В связи с применением статьи 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] к существу дела следует отметить, что *бремя аргументированного изложения дела лежит на авторе*, что предполагает подкрепление позиции автора достаточными фактическими материалами, позволяющими ему требовать ответа от государства-участника (пункт 5 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

²⁵ Наличие в запрашивающем государстве угрозы обращения, противоречащего, например, статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Ввиду того, что государство-участник и Комитет обязаны оценивать наличие серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи, при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, *выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений*. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (пункт 6 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

Автор должен показать, что ему/ей будет угрожать применение пыток, что основания для такого предположения носят серьезный характер с учетом вышеизложенных принципов и что такая опасность угрожает лично автору и является реальной. Каждая из сторон может представлять по этому вопросу любую уместную информацию (пункт 7 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

Уместной считается информация, касающаяся, в частности, следующих вопросов:

а) Относится ли соответствующее государство-участник к числу государств, откуда поступает информация о существовании постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека....?

б) *Подвергался ли автор пыткам или жестокому обращению со стороны государственных должностных лиц или иных лиц, выступающих в официальном качестве, либо по их подстрекательству, с их ведома или молчаливого согласия? Если да, то идет ли речь о недавнем прошлом?*

с) Имеется ли информация из медицинских или иных независимых источников, подтверждающая заявление автора о том, *что в прошлом его/ее подвергали пыткам или жестокому обращению? Имело ли применение пыток какие-либо последствия?*

д) *Изменилась ли ситуация, упоминаемая в пункте а) выше? Претерпело ли изменения положение в области прав человека в стране?*

е) *Занимался ли автор на территории или за пределами соответствующего государства политической или иной деятельностью, которая могла бы поставить его/ее в особенно уязвимое положение с точки зрения опасности подвергнуться пыткам в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи в соответствующее государство?*

ф) *Существуют ли какие-либо доказательства, подтверждающие достоверность утверждений автора?*

г) *Имеются ли какие-либо фактические неувязки в заявлении автора? Если да, то насколько серьезными они являются? (пункт 8 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22*

(возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

*[П]рименение в прошлом жестокого обращения является лишь одним из подлежащих учету элементов²⁶ (пункт 9.5 Решения Комитета против пыток от 28 ноября 2014 г. по делу *X. против Дании*).*

2.1. Оценка общей ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

*[С]сылки на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в той или иной стране, не могут сами по себе служить основанием для отказа в экстрадиции... Если доступные Суду источники описывают общее положение, то конкретные утверждения заявителя по делу должны подтверждаться иными доказательствами, касающимися личных обстоятельств, в обоснование опасений жестокого обращения (пункт 39 решения²⁷ от 23 сентября 2014 г. по делу *Ибрагим Хасан Оглы Мусаев против Российской Федерации*).*

Что касается общей ситуации, сложившейся в определенной стране, то Суд вправе придать особое значение информации, содержащейся в недавних отчетах международных организаций по защите прав человека, и информации, полученной из государственных источников (пункт 60 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

*[П]ростая возможность применения жестокого обращения лишь на том основании, что ситуация в стране не является стабильной, не составляет сама по себе нарушение статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].... В случаях, когда имеющиеся у Суда источники описывают общую ситуацию, особые утверждения заявителя в данном случае должны быть подтверждены другими доказательствами (пункт 61 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).*

[Ч]то касается общей ситуации в конкретной стране, Европейский Суд часто придает значение информации из недавних докладов независимых международных правозащитных организаций, таких как «Международная амнистия», или из государственных источников... В то же время он полагает,

²⁶ См., например, сообщения № 61/1996, *X.Y. и Z. против Швеции*, Решение, принятое 6 мая 1998 года, пункт 11.2; и № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 года, пункт 7.7.

²⁷ Жалоба заявителя была признана неприемлемой.

что одна лишь возможность жестокого обращения вследствие нестабильной ситуации в принимающем государстве не свидетельствует о нарушении [с]татья 3 Конвенции..., и, если доступные ему источники описывают общую ситуацию, конкретные утверждения заявителя по делу должны подтверждаться иными доказательствами (пункт 113 постановления от 19 июня 2008 г. по делу *Рябкин против Российской Федерации*).

Суд обязан отметить, что существование национального законодательства и ратификация международных соглашений, гарантирующих уважение основополагающих прав, сами по себе, не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения, когда... надежные источники сообщили о практиках, используемых органами власти и явно противоречащих принципам Конвенции (пункт 132 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

Суд... признает, что необходимо учесть присутствие автора в рассматриваемой стране и его возможности изложить информацию. В связи с этим Суд отмечает, что через дипломатические представительства и каналы по сбору данных государства (государство-ответчик по конкретному делу или любое другое государство-участник либо прочие государства) часто могут предоставить материал, крайне важный для оценки Судом рассматриваемого дела. Суд находит, что те же факторы оценки необходимо *a fortiori* применить в отношении органов ООН, особенно с учетом их прямого контакта с органами власти страны назначения, а также их возможности выполнять указания и проводить оценку на местах способом, вероятно, недоступным для государств и неправительственных организаций.... В то время как Суд признает, что многие отчеты носят общий характер, следует обязательно считать существенными сообщения, в которых рассмотрена ситуация с правами человека в стране назначения и непосредственно приведены основания для предполагаемого реального риска жестокого обращения в деле, переданном в Суд (пункт 86 постановления от 10 июля 2014 г. по делу *Рахимов против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН против пыток

В соответствии со статьей 1 упомянутый в пункте 2 статьи 3 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] критерий, предполагающий наличие «*постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека*», относится лишь к тем нарушениям, которые совершаются государственными должностными лицами или иными лицами, выступающими в официальном качестве, либо по их подстрекательству, с их ведома или с молчаливого согласия (пункт 3 Замечания общего порядка № 1 -

Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

2.2. Оценка наличия личной угрозы в запрашивающем государстве

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

*[В] делах, где заявитель утверждает о своей принадлежности к группе, которая систематически подвергается жестокому обращению, защита статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] действует, если заявитель докажет, при необходимости на основе информации, содержащейся в последних докладах независимых правозащитных организаций или государственных источников, что имеются серьезные основания верить в существование такой практики, а также свою принадлежность к указанной группе... При таких обстоятельствах Европейский Суд не будет затем требовать, чтобы заявитель дополнительно продемонстрировал наличие особых характерных деталей, если это сделает иллюзорной защиту, которую предоставляет статья 3 Конвенции (пункт 100 постановления от 12 мая 2010 г. по делу *Ходжаев против Российской Федерации*).²⁸*

*[Т]от факт, что лицо не обратилось за предоставлением убежища сразу же по прибытии в другую страну, может иметь отношение к оценке достоверности его утверждений, невозможно сравнивать риск жестокого обращения с лицом и причины, обосновывающие его выдворение. Поведение лица, каким бы оно ни было нежелательным или опасным, не может приниматься во внимание, в результате чего защита, предоставляемая статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], шире, чем защита, предусмотренная статьями 32 и 33 Конвенции Организации Объединенных Наций о статусе беженцев 1951 года (пункт 37 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Фозил Назаров против Российской Федерации*).*

²⁸ «[Е]сли лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе [Европейский Суд напомнил, что он многократно устанавливал, что лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране], он может не доказывать наличие дополнительных особых отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности» (пункт 64 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

3. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу может быть применена смертная казнь

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Суд напоминает свои общие принципы, установленные в постановлении по делу *«Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства»*... (жалоба №61498/08, ECHR 2010)²⁹:

«115. Суд принимает за исходную точку характер *права не подвергаться смертной казни*. Судебное исполнение предполагает умышленное и заранее спланированное уничтожение человека органами государственной власти. Вне зависимости от способа исполнения, *уничтожение жизни предполагает физические страдания*. Кроме того, предвидение смерти в руках Государства должно неизбежно порождать глубокое психологическое страдание. Тот факт, что назначение и применение смертной казни отрицает фундаментальные права, был признан государствами-членами Совета Европы. В преамбуле к Протоколу № 13 [к Конвенции о защите прав человека и основных свобод] Договаривающиеся Стороны описывают себя как «убежденных, что право каждого человека на жизнь является фундаментальной ценностью в демократическом обществе, и что отмена смертной казни является основным условием защиты этого права и полного признания достоинства, присущего всем человеческим существам».

116. Шестьдесят лет назад, когда была составлена Конвенция, смертная казнь не считалась нарушающей международные стандарты. Таким образом, в право на жизнь вносилось исключение, то есть пункт 1 статьи 2 предусматривал, что «никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». Однако, как указано в объяснении к Протоколу № 13, впоследствии происходил процесс полной *фактической* и *юридической* отмены смертной казни в государствах-членах Совета Европы... Протокол № 6 к Конвенции, который отменяет смертную казнь, кроме как в отношении действий, «совершенных во время войны или при неизбежной угрозе войны», был открыт для подписания 28 апреля 1983 года и вступил в силу 1 марта 1985 года. После начала подписания Протокола № 6 Парламентская Ассамблея Совета Европы установила практику, в соответствии с которой требовалось, чтобы государства, намеревающиеся присоединиться к Совету Европы, обязались ввести немедленный мораторий на исполнение смертной

²⁹ Заявитель пожаловался, что в случае насильственного возвращения в Китай он столкнется с опасностью вынесения и приведения в исполнение смертного приговора. Европейский Суд постановил, что насильственное возвращение заявителя в Китай приведет к нарушению статей 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

казни, исключили смертную казнь из своего национального законодательства, а также подписали и ратифицировали Протокол № 6. Все государства-члены Совета Европы на данный момент подписали Протокол № 6, а также все, кроме России, ратифицировали его.

117. ... Протокол № 13, который упраздняет смертную казнь при любых обстоятельствах, был открыт для подписания 3 мая 2002 года и вступил в силу 1 июля 2003 года. На дату принятия данного постановления Протокол № 13 был ратифицирован 42 Государствами-участниками и подписан, но не ратифицирован, тремя странами (Армения, Латвия и Польша). Азербайджан и Россия – единственные страны, не подписавшие данный Протокол³⁰ ...

119. В деле «*Оджалан против Турции*»... Суд рассматривал вопрос, может ли практика Государств-участников Конвенции пониматься как устанавливающая соглашение отменить исключение в пункте 1 статьи 2, разрешающее применение смертной казни при некоторых условиях [:]

«...В равной мере Суд отмечает, что правовая позиция, касающаяся смертной казни, прошла значительные изменения с момента вынесения решения по делу «*Серинг против Соединенного Королевства*». Фактическая отмена, отмеченная в данном деле в отношении двадцати двух Государств-участников Конвенции в 1989 году переросла в юридическую отмену в сорока трех из сорока четырех Государствах-участниках и мораторий в оставшемся государстве, которое еще не отменило наказание, а именно, в России. Такая почти полная отмена смертной казни в мирное время в Европе отражена в том факте, что все Государства-участники Конвенции подписали Протокол № 6 и сорок одно государство ратифицировало его, то есть, все, кроме Турции, Армении и России³¹. Это было далее отражено в политике Совета Европы, которая требует, чтобы новые государства-члены Совету Европы обязались отменить смертную казнь в качестве условия принятия их в эту организацию. В результате этих процессов, территории, входящие в состав государств-членов Совета Европы, стали зоной, свободной от смертной казни....

Такое значительное развитие могло теперь рассматриваться как свидетельствующее о соглашении Государств-участников Конвенции отменить или, по крайней мере, изменить второе предложение пункта 1 статьи 2, в частности, если принять во внимание тот факт, что все Государства-участников Конвенции на данный момент подписали Протокол № 6 и что он был ратифицирован сорок одним государством. Может возникнуть вопрос,

³⁰ По состоянию на 2 ноября 2018 г. Армения подписала Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод но не ратифицировала его. Азербайджан и Российская Федерация не пописали указанный Протокол.

Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/187/signatures?p_auth=izVzz7uq

³¹ По состоянию на 2 ноября 2018 г. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод не ратифицирован только Российской Федерацией.

Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/114/signatures?p_auth=izVzz7uq

было ли необходимо дожидаться ратификации Протокола № 6 тремя оставшимися государствами, чтобы прийти к заключению, что исключение о смертной казни в пункте 1 статьи 2 значительно изменилось. В отношении таких последовательных данных можно сказать, что смертная казнь в мирное время стала рассматриваться как неприемлемая... форма наказания, которая более не допускается в соответствии со статьей 2.

Таким образом, сделав вывод о том, что применение смертной казни, кроме как в военное время, стало неприемлемой формой наказания, в деле «*Оджалан против Турции*» Большая Палата продолжила рассмотрение позиции относительно смертной казни во всех обстоятельствах:

«164. Суд отмечает, что, предоставляя для подписания Протокол № 13, касающийся отмены смертной казни во всех обстоятельствах, Договаривающиеся Стороны выбрали традиционный метод внесения изменений в текст Конвенции в целях реализации своей политики отмены. На дату настоящего постановления три государства-участника не подписали данный Протокол, и шестнадцать не ратифицировали его. Однако этот заключительный шаг к полной отмене смертной казни – то есть и в мирное, и в военное время – может рассматриваться как подтверждение тенденции отмены в практике Договаривающихся Сторон. Это не обязательно противоречит точке зрения, что в статью 2 были внесены поправки, поскольку она разрешала применение смертной казни в мирное время.

165. В настоящее время тот факт, что все еще остается большое количество государств, которые не подписали или не ратифицировали Протокол № 13³², может помешать Суду установить, что установленной практикой Договаривающихся Сторон является рассмотрение приведения в исполнение смертной казни в качестве бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в нарушение статьи 3 Конвенции, так как от данного положения нельзя делать никаких отступлений, даже в военное время. Однако Большая Палата соглашается с Палатой в том, что у Суда нет необходимости делать какой-либо четкий вывод по данным вопросам, поскольку по нижеследующим причинам приведение в исполнение смертной казни после несправедливого судебного разбирательства будет противоречить Конвенции, даже если статью 2 толковать как все еще допускающую смертную казнь».

120. Очевидно, таким образом, что Большая Палата в постановлении по делу «*Оджалан против Турции*» не исключила того, что статья 2 уже была изменена с целью устранения исключительного разрешения применять смертную казнь. Более того, как было отмечено выше, данная позиция с тех пор изменилась. Все Государства-участники, за исключением двух стран, уже подписали Протокол № 13, и все, кроме трех стран, подписали и ратифицировали его. Данные цифры вместе с последовательной государственной практикой соблюдения моратория на смертную казнь отчетливо показывают, что статья 2 была изменена в целях запрета смертной казни при любых обстоятельствах. На основании этих данных Суд не считает,

³² См. вышеприведенную информацию.

что формулировка второго предложения пункта 1 статьи 2 продолжает быть препятствием для толкования слов «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» в статье 3 как включающих в себя смертную казнь» ...

123. Суд далее повторяет, что выдворение Высокой Договаривающейся Стороной может привести к возникновению вопроса по статье 3 Конвенции и, следовательно, повлечь за собой ответственность этой Стороны в соответствии с Конвенцией, если были продемонстрированы серьезные основания полагать, что соответствующее лицо в случае выдворения столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. В таком случае статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не высылать данное лицо в эту страну... Аналогично статья 2 Конвенции и статья 1 Протокола № 13 запрещает экстрадицию или депортацию лица в другое государство, если были представлены веские основания полагать, что он или она подвергнутся реальному риску применения смертной казни в этом государстве...» (пункт 62 постановления от 29 октября 2015 г. по делу *А.Л. (X.W.) против Российской Федерации*).³³

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

*Статья 2 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] запрещает выдачу или высылку лица в другое государство, если имеются серьезные основания полагать, что там ему будет угрожать реальная опасность подвергнуться смертной казни (пункт 576 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).³⁴*

*Судебная казнь предполагает преднамеренное и умышленное уничтожение человека органами государственной власти. Независимо от способа казни, прекращение жизни включает в себя элемент физической боли. Кроме того, ожидание смерти от рук государства неизбежно вызывает интенсивные психологические страдания. Тот факт, что приговор к смертной казни и ее исполнение отрицают основополагающие права человека, был признан государствами-членами Совета Европы. В преамбуле к Протоколу № 13 [к Конвенции о защите прав человека и основных свобод] Договаривающиеся государства заявляют, что они «убеждены, что право каждого человека на жизнь является фундаментальной ценностью в демократическом обществе, и что отмена смертной казни является основным условием защиты этого права и полного признания достоинства, присущего всем человеческим существам» (пункт 577 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).*

³³ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159904>.

³⁴ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156791>.

4. Оценка риска назначения в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица не подлежащего смягчению наказания в виде пожизненного лишения свободы

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Правоприменительная практика Суда устанавливает, что вынесение приговора к пожизненному тюремному заключению совершеннолетнему преступнику само по себе не воспрещается и не противоречит статье 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] или любой другой статье Конвенции..., при условии, что оно не является чрезвычайно несоразмерным совершенным преступлением... Однако Суд постановил, что *вынесение приговора к пожизненному тюремному заключению без возможности его сокращения совершеннолетнему преступнику может поднять вопрос о нарушении статьи 3* (пункт 112 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).³⁵

Этот последний принцип³⁶ поднимает еще два вопроса. Во-первых, *статья 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] не исключает полного отбывания пожизненного заключения на практике. Но статья 3 воспрещает отсутствие юридической и фактической возможности сокращения срока пожизненного заключения.* Во-вторых, при определении, можно ли считать пожизненное заключение в данном деле таким, которое подлежит сокращению, Суд стремится выяснить, можно ли утверждать, что осужденный к пожизненному заключению имеет *какую-либо надежду на освобождение.* Для удовлетворения требований статьи 3 достаточно, чтобы национальное законодательство предусматривало возможность пересмотра приговора к пожизненному заключению с целью его смягчения, отмены, прощения или условного освобождения заключенного (пункт 113 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

До недавнего времени Суд утверждал, что для удовлетворения требований статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] достаточно всего лишь возможности корректировки приговора к пожизненному заключению. Соответственно, он постановлял, что возможность досрочного освобождения, даже если такое решение принимается по усмотрению главы

³⁵ Заявитель жаловался, что его экстрадиция в Соединенные Штаты Америки подвергла его риску обращения, воспрещенного статьей 3 Конвенции. Он утверждал, что преступления А и В, в связи с которым была разрешена его экстрадиция, влекут за собой приговор к пожизненному тюремному заключению, который не подлежит смягчению *de facto*, и что в случае осуждения у него не будет никакой надежды на освобождение.

Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163588>

³⁶ См. приведенный выше пункт 112 постановления Европейского Суда по правам человека по делу *Трабелси против Бельгии*.

государства..., или надежда на президентское прощение в форме помилования или смягчения приговора..., является достаточной для такой [в]озможности (пункт 114 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

[Д]ля того, чтобы считалось, что пожизненное заключение подлежит сокращению, оно должно предусматривать возможность пересмотра, что позволит национальным властям установить, являются ли какие-либо изменения пожизненно заключенного настолько значительными, и наблюдался ли прогресс в плане исправления во время отбывания заключения, чтобы это значило, что продолжительное заключение под стражу больше не является оправданным на законных пенеологических основаниях.... Кроме того, Суд впервые объяснил, что пожизненно заключенный должен уже на момент вынесения своего приговора быть осведомлен, что он должен делать, чтобы начался процесс рассмотрения возможности его освобождения, и на каких условиях, включая время подачи запроса о пересмотре приговора и время проведения пересмотра такого приговора. Следовательно, в случаях, когда национальное законодательство не предусматривает какой-либо механизм или возможность пересмотра приговора к пожизненному заключению, нарушение статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] на этом основании возникает уже в момент вынесения приговора к пожизненному заключению, а не на более поздней стадии заключения в тюрьму (пункт 115 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

Суду необходимо определить, ввиду риска, которому подвергается заявитель, нарушает ли экстрадиция заявителя статью 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].³⁷ Суд уже несколько раз имел дело в прошлом с вопросом о риске получения пожизненного заключения. Каждый раз Суд стремился определить, на основании дипломатических гарантий, предоставленных запрашивающей страной, не подвергает ли экстрадиция запрашиваемых лиц такому риску, и если подвергает, *есть ли возможность сокращения срока пожизненного заключения, которая дает надежду на освобождение* (пункт 122 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

Опираясь на свою правоприменительную практику в области пожизненных тюремных заключений в рамках национальной системы, о которой идет речь в

³⁷ «Суд отмечает, что заявитель был выдан Соединенным Штатам, где его преследуют в судебном порядке по обвинениям в террористических актах, связанных с «Аль-Каидой», и что, если его признают виновным и осудят за некоторые из этих преступлений, ему могут вынести максимальный приговор к пожизненному тюремному заключению по усмотрению суда. Приговор выносится по усмотрению суда, то есть судья может назначить более легкое наказание, причем существует возможность назначения приговора с определенным сроком» (пункт 121 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

постановлении по делу «*Кафкарис*»..., Суд постановил, что, при отсутствии явной несоразмерности с преступлениями, приговор к пожизненному заключению без права на досрочное освобождение, вынесенный судом по собственному усмотрению всего лишь поднимет вопрос по статье 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], заключающийся в том, что длительное тюремное заключение заявителя больше не имеет каких-либо законных пенологических оснований, и что срок лишения свободы не подлежит сокращению *de facto* и *de jure* (пункт 124 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

[П]реventивную цель статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в вопросах высылки иностранных граждан... состоит в предотвращении фактических страданий заинтересованных лиц от наказания или обращения, уровень жесткости которых не допускается этим положением. Суд повторяет, что статья 3 требует от Договаривающихся государств, чтобы они *предотвращали* такое отношение и осуществление такого наказания... Кроме того, Суд постановляет, как и постановлял во всех делах о выдаче начиная с дела «*Серинг против Соединенного Королевства*», что он должен оценивать риск, которому подвергается заявитель в соответствии со статьей 3 *ex ante* – то есть, в рамках данного случая, *до его возможного осуждения* в Соединенных Штатах – а не постфактум, как предлагает Правительство (пункт 130 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

Зада[ча] Суда состоит в обеспечении соответствия экстрадиции заявителя статье 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] и, следовательно, рассмотрении того, удовлетворяет ли пожизненное заключение, назначенное судом по собственному усмотрению, которое грозит заявителю, критерии, установленные правоприменительной практикой Суда по этому вопросу (пункт 131 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

Суду следует просто отметить³⁸, что, хотя упомянутые положения и указывают на существование «перспективы освобождения» в рамках значения постановления по делу «*Кафкарис*», *ни одна из предусмотренных процедур* – даже не учитывая возможные сомнения на счет реальности такой перспективы на практике – *не является механизмом пересмотра решений, требующим от органов государственной власти установить, на основании объективных и заранее определенных критериев, о которых заключенный знает на момент*

³⁸ «Суд подходит к центральному вопросу в этом деле, который предполагает необходимость установления, вдобавок к предоставленным гарантиям, того, отвечают ли положения законодательства США, регулирующего возможности сокращения срока пожизненного заключения и получения президентского помилования, критериям, которые он предусмотрел для оценки возможностей сокращения срока пожизненного заключения и их соответствие статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 136 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

вынесения приговора к пожизненному заключению, что, отбывая срок, заключенный изменился в такой степени, что его дальнейшее содержание под стражей больше не является оправданным какими-либо законными пенилогическими основаниями (пункт 137 постановления от 4 сентября 2014 г. по делу *Трабелси против Бельгии*).

5. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица может быть допущено грубейшее нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, права на справедливое судебное разбирательство

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

*[В]опрос о соблюдении положений статьи 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в связи с решением о выдаче может возникнуть исключительно тогда, когда беженец пострадал или находится в опасности грубого нарушения права на справедливое судебное разбирательство в запрашивающем государстве (пункт 156 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).*

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Договаривающееся государство нарушит статью 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в случае передачи, или создания возможностей для передачи заявителя в государство, где он подвергнется реальной опасности *вопиющего* нарушения этой статьи Опять же, такая опасность присутствует, если к заявителю применяется «специальная перевозка», которая влечет за собой содержание под стражей «... за пределами нормальной правовой системы», и которая «по причине преднамеренного игнорирования надлежащей правовой процедуры, подрывает принцип верховенства права и ценности, защищаемые Конвенцией» (пункт 455 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).³⁹

Аналогичные принципы применимы в случаях, когда есть серьезные основания полагать, что, в случае передачи из Договаривающегося государства, заявитель подвергнется реальной опасности *очевидного* отказа в правосудии (пункт 456 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

³⁹ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156791>

В прецедентной практике Европейского Суда, термин *«вопиющий отказ в правосудии»* является синонимом судебного процесса, который явно противоречит положениям статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] или принципам, закрепленным в ней... В *Othman (Abu Qatada)*, ссылаясь на примеры из своего прецедентного права, Суд указал на *определенные формы несправедливости, которые могут составить вопиющий отказ в правосудии*. К ним относятся заочное вынесение приговора, без последующей возможности нового рассмотрения по существу обвинений, судебное рассмотрение, имеющее поверхностный характер и проводящееся с полным пренебрежением к праву на защиту, содержание под стражей без доступа к независимому и беспристрастному суду для пересмотра законности содержания, и преднамеренный и систематический отказ в доступе к адвокату, особенно для лица, содержащегося в зарубежной стране... В других делах, Суд также подчеркивал важность того факта, что, если гражданское лицо предстает перед судом, состоящим, хотя бы частично, из членов вооруженных сил, выполняющих приказы властей, гарантии беспристрастности и независимости вызывают серьезные сомнения (пункт 562 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

Однако *«вопиющий отказ в правосудии»* является самой строгой проверкой на справедливость разбирательства. *Вопиющий отказ в правосудии выходит за рамки простых нарушений или отсутствия гарантий в судебном разбирательстве*, которые могут привести к нарушению статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], если происходят в самом Договаривающемся Государстве. Он связан с нарушением принципов справедливого судебного разбирательства, гарантированного статьей 6, настолько серьезным, что он равносителен аннулированию и уничтожению самой сути права, гарантированного этой статьей (пункт 563 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

Суд занимает четкую, неизменную и однозначную позицию в отношении допуска доказательств, полученных под пытками. *Ни одна правовая система, основанная на принципе верховенства права, не может одобрить допуск доказательств, как бы правдоподобны они ни были, которые были получены с помощью таких варварских методов, как пытки*. Судебный процесс является краеугольным камнем законности. Доказательства, полученные под пытками, наносят непоправимый вред этому процессу; они подрывают принцип верховенства права и наносят вред репутации любого суда, допускающего такие доказательства. Доказательства, полученные под пытками, должны исключаться в целях защиты целостности судебного процесса и, в конечном счете, верховенства права как такового. Запрет на применение пыток является фундаментальным... Показания, полученные в нарушение статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], абсолютно ненадежны. Действительно, опыт слишком часто показывает, что жертва

пытках готова сказать все, что угодно – неважно, правда это или нет – чтобы прекратить пытку... *Допуск доказательств, полученных под пытками, явно противоречит не только положениям статьи 6, но и основным международным стандартам справедливого судебного разбирательства.* Это делает весь судебный процесс не только аморальным и незаконным, но и, в результате, полностью ненадежным. Поэтому, допуск таких доказательств в уголовном процессе составляет *вопиющий отказ в правосудии* (пункт 564 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

Практика Комитета ООН по правам человека

Возвращение лица в страну, где существуют серьезные основания полагать, что ему угрожает реальная опасность *серьезного* нарушения личной свободы или неприкосновенности, например длительного произвольного содержания под стражей, может представлять собой бесчеловечное обращение, запрещенное статьей 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах]⁴⁰ (пункт 57 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). CCPR/C/GC/35).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Применительно к определенным моментам статья 13... [Международного пакта о гражданских и политических правах]⁴¹ вбирает в себя понятия надлежащей правовой процедуры, отраженные в статье 14... [Международного пакта о гражданских и политических правах]⁴². В контексте производства по делам, в которых идет речь об экстрадиции и депортации, запрещение выдворения может действовать не только в случае, когда имеется опасность пыток или другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения⁴³, и не только во многих ситуациях, когда речь идет о вынесении смертного приговора, но и в случаях, когда возникает опасность,

⁴⁰ Замечание общего порядка № 31, пункт 12.

⁴¹ В силу указанного договорного положения иностранец, законно находящийся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, может быть выслан только во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом, и, если императивные соображения государственной безопасности не требуют иного, имеет право на представление доводов против своей высылки, на пересмотр своего дела компетентной властью или лицом или лицами, специально назначенными компетентной властью, и на то, чтобы быть представленным для этой цели перед этой властью лицом или лицами.

⁴² См.: там же, пункт 62; Комитет по правам человека, сообщение № 1051/2002 «*Ахани против Канады*», 2004 г. (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 40 (A/59/40), т. II, приложение IX, разд. ВВ), пункт 10.9.

⁴³ См.: Комитет по правам человека, сообщение № 832/1998 «*Валравенс против Австралии*», 2001 г. (там же, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 40 (A/56/40), т. II, приложение XI, разд. G); он же, сообщение № 1051/2002.

что лицо станет объектом *явно несправедливого судебного разбирательства*⁴⁴. В остальных положениях статьи 14 (пункт 2–7) устанавливаются определенные права и гарантии, относящиеся к рассмотрению предъявляемых уголовных обвинений, включая право на защиту, презумпцию невиновности и право на пересмотр осуждения или приговора вышестоящей судебной инстанцией (пункт 8 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/63/223. Размещен 6 августа 2008 г.)

Хотя многие двусторонние и многосторонние договоры предусматривают возможность отказа в просьбе о выдаче, если существует обоснованное опасение, что в принимающем государстве подлежащему выдаче лицу будет отказано в справедливом судебном разбирательстве, нежелание государств и международных органов в области прав человека распространять применение запрета на возвращение на права, защищаемые статьями 9 и 14 Пакта, является понятным. На пути реализации законной возможности депортировать или высылать неграждан появятся серьезные препятствия, если депортирующее государство в каждом случае должно будет определять, будет ли соответствующему лицу угрожать отказ в судебном разбирательстве в разумные сроки в случае предъявления обвинения, или отказ в компенсации в случае незаконного ареста, или же отказ в предоставлении «достаточного времени и возможности для подготовки своей защиты» в случае предъявления обвинений или судебного разбирательства - особенно в связи с тем, что депортация и высылка обычно не связаны с уголовными обвинениями в принимающем государстве (пункт 46 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Однако принцип невозвращения по-прежнему сохраняет свою актуальность и в отношении произвольного задержания. Если существуют серьезные основания предполагать наличие реального риска того, что лицо, подлежащее удалению с территории, будет лишено в принимающем государстве свободы (как это часто происходит, когда основанием для высылки служит подозрение в участии в террористической деятельности), депортирующее государство должно определить, будет ли такое задержание *произвольным* по смыслу трех категорий произвольного задержания, установленных в методах работы Рабочей группы [по произвольным задержаниям]:

– *лишение свободы без юридических оснований;*

⁴⁴ См.: Комитет по правам человека, сообщение № 692/1996 «*A. P. Дж. против Австралии*», 1997 г. (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), т. II, приложение VI, разд. Т), пункт 6.15; Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, Human Rights, Terrorism and Counterterrorism, Fact Sheet No. 32, p. 34; International Commission of Jurists, Legal Commentary to the ICJ Berlin Declaration (Geneva, 2008), p. 97.

– лишение свободы с целью пресечения осуществления основных свобод, таких, как свобода религии, свобода выражения мнения и свобода ассоциации;
 – лишение свободы с серьезным нарушением международных норм, касающихся справедливого судебного разбирательства (пункт 47 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Во многих случаях эта проверка⁴⁵ будет совпадать с запретом на возвращение, уже обязательным для государств по международному договору и обычному праву: *длительное содержание под стражей без связи с внешним миром, как и бессрочное содержание*, может расцениваться как бесчеловечное обращение; *лишение свободы в результате осуществления свободы выражения мнений или свободы убеждений* большей частью будет подпадать под действие статьи 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года. Кроме того, по имеющемуся опыту пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, вероятнее всего, могут иметь место *при содержании под стражей, когда игнорируются процедурные гарантии, защищающие законность содержания под стражей* (пункт 48 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

[П]равительства должны включать риск *произвольного* задержания в принимающем государстве как таковой в число элементов, которые должны приниматься во внимание при рассмотрении просьбы о выдаче, депортации, высылке или же иной передаче какого-либо лица властям другого государства, особенно в контексте усилий по противодействию терроризму⁴⁶. *Намерение передать то или иное лицо государству в условиях, когда существует действительный риск того, что это лицо будет содержаться там под стражей без юридических оснований или без предъявления в течение длительного времени обвинений или же будет привлечено к судебной*

⁴⁵ Будет ли задержание *произвольным*.

⁴⁶ «В отношении лиц, подозреваемых по объективным и разумным основаниям в причастности к подготовке или совершению актов терроризма или подстрекательству или побуждению к таким актам, должно проводиться надлежащее расследование, и в соответствующих случаях они должны быть подвергнуты судебному преследованию, осуждению и наказанию в соответствии с обычными нормами уголовно-процессуального права либо выданы другому государству, чтобы там предстать перед судом. В любом случае это означает, что последующий суд над лицом, обвиняемым в причастности к акту терроризма, будет отвечать международным стандартам справедливого и публичного судебного разбирательства независимым и беспристрастным гражданским судом. Открытое судебное заседание даст возможность жертвам и членам их семей воочию наблюдать, как совершается правосудие. Бессрочное или тайное содержание под стражей подозреваемых в терроризме без предъявления обвинения или суда, напротив, не только противоречит международному праву, но и исключает возможность участия жертв в процессе привлечения виновных к ответственности» (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/20/14. Размещен 4 июня 2012 г.).

ответственности судом, который явно выполняет приказы исполнительной власти, не может считаться совместимым с обязательством, содержащимся в статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая требует от государств-участников уважать и обеспечивать предусмотренные Пактом права в отношении всех находящихся на их территории и под их контролем лиц. Если в качестве критерия будут использоваться три категории произвольного задержания⁴⁷, установленные Рабочей группой, то распространение действия запрета на возвращение на риск произвольного задержания не создаст для правительств избыточного бремени. По сути, Типовой договор Организации Объединенных Наций о выдаче⁴⁸ налагает на правительство гораздо более строгое обязательство. Согласно его статье 3 f) отказ в выдаче является обязательным «если лицо, в отношении которого поступает просьба о выдаче.., не будет обладать правом на минимальные гарантии в процессе уголовного разбирательства, предусмотренные в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 49 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Государствам следует рассматривать опасность или угрозу стать жертвой *насильственного исчезновения* в качестве одной из форм преследования, подпадающих под действие принципа недопустимости принудительного возвращения, и предоставлять статус беженца лицам, которые мигрируют, с тем чтобы бежать от такого поведения, а также принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы они не подлежали принудительному возвращению (пункт 55 Доклада Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям. Размещен 31 июля 2017 г. A/HRC/36/39).

В соответствии со статьей 8 Декларации [о защите всех лиц от насильственных исчезновений] *государства должны запретить* как на уровне законодательства, так и его применения:

а) *высылку, возвращение или выдачу* мигрантов другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что им угрожает опасность подвергнуться *насильственному исчезновению*. Любое возвращение должно быть объектом тщательной индивидуальной оценки и производиться с соблюдением надлежащих процедур, включая право на оспаривание решения о высылке/возвращении. Чтобы определить, существуют ли такие основания, уполномоченные органы должны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в

⁴⁷ Лишение свободы без юридических оснований; лишение свободы с целью пресечения осуществления основных свобод, таких, как свобода религии, свобода выражения мнения и свобода ассоциации; лишение свободы с *серьезным* нарушением международных норм, касающихся справедливого судебного разбирательства.

⁴⁸ Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901785649>

данном государстве постоянных грубых, вопиющих и массовых нарушений прав чело-века в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Декларации;

в) «разворот» мигрантов в любую страну, где им может угрожать опасность стать жертвой *насильственного исчезновения* (пункт 57 Доклада Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям. Размещен 31 июля 2017 г. A/HRC/36/39).

6. Вопрос о достаточности дипломатических гарантий, предоставляемых запрашивающим государством

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[Д]ипломатические гарантии как таковые недостаточны для обеспечения адекватной защиты против угрозы жестокого обращения, *если достоверные источники сообщают о практике, применяемой или допускаемой властями*, которая явно противоречит принципам Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 119 постановления от 19 июня 2008 г. по делу *Рябкин против Российской Федерации*).

Суд придерживается позиции, что дипломатические заверения... не способны сами по себе предотвратить риск подвергнуться жестокому обращению и что национальные органы власти должны с осторожностью относиться к заверениям против пыток, исходящим от страны, *где пытки распространены или постоянно применяются*... [В]нутригосударственные органы власти, а также Власти в своих доводах в Суде использовали обобщенные и неконкретизированные аргументы в попытке опровергнуть заявления о риске подвергнуться ненадлежащему обращению в связи с вышеуказанными обстоятельствами (пункт 53 постановления от 26 февраля 2015 г. по делу *Халиков против Российской Федерации*).

В своем [п]остановлении по делу «*Чахал против Соединенного Королевства*» Европейский Суд предостерег от зависимости от дипломатических заверений Договаривающегося Государства в неприменении пыток, на территории которого применение пыток является характерным или непрекращающимся явлением... В недавнем деле «*Саади против Италии*» Европейский Суд также сделал вывод о том, что дипломатические заверения не были сами по себе достаточными для обеспечения адекватной защиты против риска ненадлежащего обращения в случаях, когда надежные источники сообщали о практике, применяемой или допускаемой властями, которая явно противоречила принципам Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 127 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

Суд отмечает, что заверения сами по себе не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения. Существует *обязательство изучить вопрос о том, предоставляют ли заверения, при их практическом применении, достаточные гарантии того, что заявитель будет защищен от риска жестокого обращения*. Вес, который следует придавать заверениям принимающего государства, зависит в каждом случае от обстоятельств, главенствующих в данное время (пункт 67 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Мамадалиев против Российской Федерации*).

Даже принимая в качестве аргумента то, что рассматриваемые гарантии не были изложены в общих терминах, Суд отмечает, что [запрашивающее государство] не является Договаривающимся государством Конвенции, и власти [этого государства] не продемонстрировали существование эффективной системы судебной защиты от пыток, которая могла бы функционировать в качестве эквивалента системе, требуемой от Договаривающихся государств. Более того, Суду не было продемонстрировано, что обязательство [запрашивающего государства] по гарантии доступа к заявителю российских дипломатов приведет к эффективной защите от запрещенного жестокого обращения на практике, так как не было показано, что упомянутые дипломаты будут иметь квалификацию, необходимую для эффективного наблюдения за соблюдением киргизскими властями своих обязательств. Также не было предоставлено гарантии того, что упомянутым дипломатам будет предоставлена возможность разговора с заявителем без свидетелей. Дополнительно, их потенциальное участие не поддерживалось никаким практическим механизмом, определяющим, к примеру, процедуру, в соответствии с которой заявитель мог подавать жалобы дипломатам, или с целью их неограниченного доступа в пенитенциарные учреждения (пункт 66 постановления от 17 апреля 2014 г. по делу *Гайратбек Салиев против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН по правам человека

Наличие заверений, их содержание, а также наличие и применение механизмов обеспечения их выполнения – все это элементы, имеющие значение для общей оценки наличия или отсутствия реальной опасности запрещенного неправильного обращения. Комитет, однако, вновь указывает, что *в предоставленных заверениях должен как минимум предусматриваться механизм мониторинга и их соблюдение должно гарантироваться практическими договоренностями*, которые предусматривали бы их эффективное выполнение высылающим и принимающим государствами⁴⁹ (пункт 14.5 Соображений Комитета по

⁴⁹ См. сообщения № 1461/2006, 1462/2006, 1476/2006 и 1477/2006, *Максудов и др. против Кыргызстана*, пункт 12.5, и сообщение № 1416/2005, *Альзери против Швеции*, Соображения, принятые 25 октября 2006 года, пункт 11.5.

правам человека от 17 марта 2014 г. по делу *Николай Валетов против Казахстана*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

В последнее время широко обсуждается практика получения от принимающего государства «дипломатических заверений» с целью преодоления такого препятствия, как принцип невозвращения. Что касается задержания и справедливого суда, то подобные гарантии приемлемы лишь в том случае, *если они отвечают строгим условиям* (пункт 52 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Во-первых, они не должны использоваться в обход применимых норм, имеющих преимущественную силу. Когда между двумя государствами действует договор о выдаче, передача для целей уголовного преследования должна осуществляться в соответствии с этим договором. Когда согласно положениям статьи 3 f) Типового договора Организации Объединенных Наций о выдаче договор предусматривает, что в выдаче должно быть отказано, если в принимающей стране существует риск судебного разбирательства в отсутствие оговоренных в статье 14 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] гарантий, то *при наличии такого риска в выдаче должно быть отказано и никакие дипломатические заверения (которые будут свидетельствовать о признании существования риска) не смогут обеспечить законное преодоление этого препятствия.* Аналогичным образом, если выдача возможна в отсутствие договора на основании внутреннего законодательства передающей страны, то дипломатические заверения не могут использоваться в обход запрета на выдачу, если существует риск произвольного задержания или несправедливого судебного разбирательства (пункт 532 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Второе предварительное условие заключается в том, что передающее государство должно иметь все основания считать заверения надежными и чтобы власти в дающем заверения принимающем государстве в действительности могли обеспечить их выполнение (пункт 54 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

В-третьих, дипломатические заверения не могут ни в коем случае быть сочтены приемлемыми, если передающее правительство имеет серьезные основания полагать, что в случае передачи существует реальный риск

обращения, противоречащего статье 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах]а. В этом отношении Рабочая группа выражает согласие со Специальным докладчиком по вопросу о пытках, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания в отношении отклонения дипломатических заверений как «ненадежных и неэффективных» в той мере, в которой это касается пыток⁵⁰ (пункт 55 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

[Д]ипломатические заверения не освобождают государства от их обязательств, связанных с недопустимостью принудительной выдачи, и необязательно являются наиболее оптимальным способом для недопущения пыток и принудительной выдачи. Действительно, дипломатические заверения показали свою ненадежность и не могут считаться эффективными гарантиями против пыток и жестокого обращения, особенно в государствах, где существуют серьезные основания полагать, что какому-либо лицу может угрожать там применение пыток или жестокого обращения (пункт 62 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 г. A/HRC/16/52).

Специальный докладчик считает практику дипломатических заверений «попыткой обойти абсолютный запрет на пытки и возвращение» (пункт 63 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 г. A/HRC/16/52).

7. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе осуществления выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[В] вопросе «правомерности» содержания под стражей, в том числе соблюдения «законного порядка», Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] отсылает, в основном, к национальному законодательству, но также, в случае необходимости, к иным правовым нормам, применимым к заинтересованным лицам, в том числе, к тем, которые вытекают из международного права. Во всех случаях она закрепляет обязательство соблюдать его материально-правовые нормы и процедурные нормы, но она, кроме того, требует соответствия любого лишения свободы целям статьи 5

⁵⁰ См. доклад Специального докладчика по вопросам о пытках и других видах жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (A/60/316, пункт 51).

Конвенции: защите лица от произвола (пункт 84 постановления от 1 марта 2016 г. по делу Холмуродов против Российской Федерации).

Суд подчеркивает, что поскольку речь идет о лишении свободы, особенно важно соблюдать общий принцип правовой безопасности. Следовательно, главное, чтобы условия лишения свободы в соответствии с внутригосударственным правом были ясно определены и чтобы сам закон был прогнозируемым в плане его применения таким образом, чтобы он соответствовал критерию законности, закрепленному в Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], который требует, чтобы любой закон был достаточно точным, чтобы избежать любого риска произвола и чтобы позволить любому лицу – с помощью, при необходимости, информированных консультантов – предвидеть, до степени, разумной в обстоятельствах дела, последствия, могущие стать результатом определенного действия (пункт 85 постановления от 1 марта 2016 г. по делу Холмуродов против Российской Федерации).

[П]одпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]⁵¹... не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого применяется мера с целью выдачи, разумно считалось необходимым, например, для предотвращения повторного совершения им преступления или сокрытия от правосудия. В связи с этим подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает иную степень правовой защиты по сравнению с предусмотренной подпунктом «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции: подпункт «f» требует только того, чтобы «предпринимались меры по высылке или выдаче». Следовательно, для целей подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции является несущественным вопрос о том, может ли лежащее в основе решение о выдаче быть оправдано в соответствии с внутригосударственным или конвенционным правом (пункт 135 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу Исмоилов и другие против Российской Федерации).

[С]одержание под стражей может являться незаконным, если его указанная цель отличается от реальной... Суд напоминает, что «содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта (f) пункта 1 [с]татья 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], должно осуществляться добросовестно» и «должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылаются Власти» (пункт

⁵¹ Согласно приведенному конвенционному положению «[к]аждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:... законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

65 постановления от 15 января 2015 г. по делу *Эшонкулов против Российской Федерации*).

Европейский Суд... подчеркивает, что уже приходил к выводу, что данный довод⁵² не может использоваться для оправдания не ограниченного по времени содержания лиц под стражей без урегулирования их правового статуса (пункт 200 постановления от 21 октября 2010 г. по делу *Гафоров против Российской Федерации*).

*[С]ам факт вынесения первоначального решения о заключении под стражу с целью экстрадиции административным органом не противоречит Конвенции, если это разрешено внутригосударственным законодательством, вопрос в том, сколько времени могло пройти с момента, когда лицо, заключенное под стражу на основании распоряжения административного органа (*in casu*⁵³ – прокуратура), подало заявление об освобождении, и моментом, когда такое заявление было рассмотрено судом (пункт 66 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Щербина против Российской Федерации*).*

7.1. Продолжительность применения в отношении выдаваемого лица⁵⁴ меры пресечения в виде заключения под стражу

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

*[С]ледует напомнить, что любое лишение свободы является оправданным согласно подпункту «f» пункта 1 [с]татья 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] лишь в ходе разбирательства о депортации.⁵⁵ Если разбирательство не ведется с надлежащей тщательностью, содержание под стражей перестает быть допустимым с точки зрения этого положения (пункт 131 постановления от 19 июня 2008 г. по делу *Рябкин против Российской Федерации*).*

Что касается продолжительности содержания под стражей с целью обеспечения возможной экстрадиции, подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не требует, чтобы в национальном законодательстве был установлен предельный срок

⁵² Европейский Суд подчеркнул, что он был озадачен утверждением властей Российской Федерации, согласно которому власти страны были обязаны содержать заявителя под стражей, поскольку он указал на основании правила 39 Регламента на необходимость приостановить выдачу.

⁵³ В настоящем деле.

⁵⁴ Под выдаваемым лицом понимается лицо, в отношении которого уже было принято решение о выдаче, либо лицо, которое ожидает принятия указанного решения.

⁵⁵ Подразумеваются и случаи процедуры выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, а также случаи административного выдворения.

такого содержания под стражей. Однако, *если процедура экстрадиции не осуществляется с необходимой тщательностью, содержание под стражей может перестать быть обоснованным в соответствии с данным положением* (пункт 59 постановления от 8 января 2009 г. по делу Худякова против Российской Федерации).

[Д]аже если цель содержания под стражей является законной, его продолжительность не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели (пункт 166 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу Азимов против Российской Федерации).

[Л]ишение свободы в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 [с]татьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] должно соответствовать материальным и процессуальным правилам национального законодательства. Однако соблюдения норм национального законодательства недостаточно: [п]ункт 1 [с]татьи 5 дополнительно требует, чтобы любое лишение свободы соблюдало цель защиты лица от произвола. Понятие «произвол», содержащееся в пункте 1 [с]татьи 5 Конвенции, не ограничивается несоблюдением норм национального права, вследствие чего лишение свободы может являться правомерным в рамках национального законодательства, но при этом быть произвольным и, следовательно, противоречащим требованиям Конвенции. Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта (f) пункта 1 [с]татьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылались Власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели (пункт 63 постановления от 15 января 2015 г. по делу Эшонкулов против Российской Федерации).

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой, *для того чтобы содержание под стражей не было квалифицировано как произвольное, оно не должно продолжаться сверх того срока, в отношении которого государство-участник может представить должные обоснования*⁵⁶ (пункт 7.2 Соображений Комитета по правам человека от 21 октября 2014 г. по делу Хью Реймонд Гриффитс против Австралии).

⁵⁶ См., например, *К. против Австралии*, пункт 8.2.

7.2. Право на незамедлительное сообщение выдаваемому лицу о причинах его ареста и предъявленных обвинениях

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

[Е]сли лицо арестовано по подозрению в совершении преступления, пункт 2 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]⁵⁷ не требует сообщения информации в определенной форме или полного списка обвинений, выдвинутых против арестованного лица... Если лицо арестовано для обеспечения возможной экстрадиции, предоставляемая информация может быть даже менее полной (пункт 80 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Худякова против Российской Федерации*).

7.3. Автоматический пересмотр решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, избранной в отношении выдаваемого лица

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

[Ф]ормы судебной проверки, отвечающие требованиям пункта 4 статьи 5 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]⁵⁸, могут различаться в разных странах и будут зависеть от рассматриваемого вида лишения свободы. Не исключено, что соблюдение требований пункта 4 статьи 5 может быть обеспечено посредством системы автоматических периодических судебных проверок по вопросу законности постановления о заключении под стражу... Большие промежутки времени при проведении автоматической периодической проверки могут привести к нарушению требований пункта 4 статьи 5... *На основании пункта 4 статьи 5 задержанный имеет право обратиться с ходатайством в компетентный «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать его лишение свободы «правомерным» в свете новых факторов, возникших уже после принятия первоначального постановления о заключении под стражу...* Требования пункта 4 статьи 5 касательно того, что может считаться «разумным» промежутком в контексте периодической судебной проверки, варьируются в разных странах, в зависимости от рассматриваемого вида

⁵⁷ В силу указанного конвенционного положения «[к]аждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение».

⁵⁸ В соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции «[к]аждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

лишения свободы (пункт 129 постановления от 17 июля 2014 г. по делу *Кадиржанов и Мамашев против Российской Федерации*).

Суд отмечает, что в его задачи не входит пытаться регулировать максимальный период времени между пересмотрами, которые должны автоматически применяться к определенной категории задержанных. *Вопрос о том, соответствуют ли промежутки между проверками установленному требованию, должен решаться в контексте обстоятельств конкретного дела...* Суд, в частности, должен проверить, не были ли новые относящиеся к делу факторы, которые возникли в промежуток между периодическими пересмотрами, оценены, без «неправомерной» задержки, судом, имеющим право решать вопрос о «правомерности» содержания под стражей в свете вновь появившихся факторов (пункт 130 постановления от 17 июля 2014 г. по делу *Кадиржанов и Мамашев против Российской Федерации*).

[В] определенном количестве дел против России Суд уже принял тот факт, что разбирательства по вопросу о продлении срока содержания под стражей в ожидании выдачи в суде первой инстанции проходили в форме периодического пересмотра судебного характера (пункт 134 постановления от 17 июля 2014 г. по делу *Кадиржанов и Мамашев против Российской Федерации*).

7.4. Право на оперативное рассмотрение жалобы на решение об избрании в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока содержания его под стражей

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Прецедентная практика Суда показывает, что требование «безотлагательности» пункта 4 статьи 5 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] не обязательно является таким же, как требование «оперативности» пункта 3 статьи 5. Тем не менее, важно, какой тип государственного органа санкционировал содержание под стражей. Если первоначальное решение о заключении под стражу было вынесено судом, т.е. независимым и единым судебным органом... посредством процедуры, предлагающей соответствующие гарантии надлежащего процесса, и если внутригосударственное законодательство предусматривает систему обжалования, Суд готов согласиться с более продолжительными периодами пересмотра в ходе судебных разбирательств в суде второй инстанции (пункт

65 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Щербина против Российской Федерации*).⁵⁹

8. Обеспечение принципа презумпции невиновности в отношении выдаваемого лица

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Решение о выдаче заявителей само по себе не нарушает презумпции невиновности (пункт 167 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

Европейский Суд уже приходил к заключению, что пункт 2 статьи 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] применим, если разбирательство по поводу выдачи было прямым следствием и сопутствующим обстоятельством уголовного расследования, ведущегося в отношении лица в принимающем государстве ..., и не усматривает оснований для применения в настоящем деле иного подхода (пункт 148 постановления от 20 мая 2010 г. по делу *Хайдаров против Российской Федерации*).

[П]роизводство по выдаче подпадает под действие пункта 2 статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]..., положения которого, в относящемся к делу аспекте, направлены на предотвращение воспрепятствования справедливому разбирательству по уголовному делу предвзятыми утверждениями, высказанными в связи с данным производством. Презумпция невиновности, гарантированная пунктом 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу, предусмотренного пунктом 1 указанной статьи... Она распространяется, среди прочего, на заявления других должностных лиц относительно неоконченных расследований по уголовным делам, которые подталкивают общественность к мнению о виновности подозреваемого и опережают оценку фактов компетентным органом судебной власти (пункт 169

⁵⁹ «Суд рассмотрел безотлагательность пересмотра постановлений о заключении под стражу судами первой инстанции в рамках судебных разбирательств, а именно, для целей подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, в большом количестве дел в отношении Российской Федерации (см., к примеру, *Мамедова против России*) (Mamedova v. Russia), жалоба № 7064/05, пункт 96, 1 июня 2006 г. или *Игнатов против России*) (Ignatov v. Russia), жалоба № 27193/02, пункты 112-114, 24 мая 2007 г., и *Ламажик против России*) (Lamazhyk v. Russia), жалоба № 20571/04, пункты 104-106, 30 июля 2009 г.). Кассационные судебные разбирательства, которые длились в течение десяти, одиннадцати и шестнадцати дней, были признаны соответствующими требованию «безотлагательности» в соответствии с пунктом 4 статьи 5» (пункт 65 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Щербина против Российской Федерации*).

постановления от 20 декабря 2011 г. по делу *Эргашев против Российской Федерации*).

9. Защита права выдаваемого лица на уважение частной (личной), семейной жизни

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Что касается вмешательства в личную или семейную жизнь, согласно прецедентной практике Европейского Суда подобное вмешательство противоречит статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]⁶⁰, *если оно не обосновано в соответствии с пунктом 2 этой статьи как «предусмотренное законом», не преследует одну или несколько законных целей, указанных в нем, и, кроме того, не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения данной цели или целей* (пункт 195 постановления от 5 июня 2012 г. по делу *Шакуров против Российской Федерации*).

Что касается выдачи, в деле *«Кинг против Соединенного Королевства»*... заявитель был обвинен в том, что являлся членом международного преступного сообщества и участвовал в сговоре с целью сбыта большого количества наркотика экстази в Австралию. Он пытался воспрепятствовать своей выдаче Соединенным Королевством в Австралию, ссылаясь на то обстоятельство, что его жена, двое детей и мать проживали в Соединенном Королевстве, и состояние здоровья последней не позволило бы ей переехать в Австралию. Большое расстояние между двумя странами означало, что семья будет иметь только ограниченные взаимоотношения, если заявитель будет выдан, осужден и приговорен к сроку лишения свободы. Европейский Суд отклонил этот довод как явно необоснованный, *отметив особо тяжкие обвинения в отношении заявителя и интерес Соединенного Королевства в исполнении своих обязательств в отношении Австралии. Учитывая важность соглашений между государствами о выдаче для борьбы с преступлениями, Европейский Суд установил в том деле, что только при исключительных обстоятельствах личная или семейная жизнь заявителя в государстве-ответчике будет перевешивать законную цель, преследуемую его или ее выдачей* (пункт 196 постановления от 5 июня 2012 г. по делу *Шакуров*

⁶⁰ В силу статьи 8 Конвенции «1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

против Российской Федерации).⁶¹

10. Обеспечение выдаваемого лица эффективными средствами правовой защиты

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[О]бъем обязательств государства по статье 13 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]⁶² различен в зависимости от характера жалобы заявителя на основании Конвенции. С учетом необратимого характера ущерба, который может наступить в случае реализации предполагаемой угрозы пыток или жестокого обращения, а также значения, которое Европейский Суд придает статье 3 Конвенции, понятие эффективного средства правовой защиты на основании статьи 13 Конвенции требует

(i) *независимого и тщательного исследования утверждений*, согласно которым имеются существенные основания полагать, что существует реальная угроза обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в случае высылки заявителя в страну назначения, и

(ii) *обеспечения эффективной возможности приостановления исполнения мер*, последствия которых носят потенциально необратимый характер (пункт 136 постановления от 8 июля 2010 г. по делу *Абдуложон Исаков против Российской Федерации*).

Судебная проверка представляет собой в принципе эффективное средство правовой защиты в значении статьи 13 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в отношении жалоб в контексте высылки и выдачи, при условии что суды *могут эффективно проверить законность решений исполнительного органа по материально-правовым и процессуальным основаниям и отменить решения в случае необходимости* (пункт 137 постановления от 8 июля 2010 г. по делу *Абдуложон Исаков против Российской Федерации*).⁶³

⁶¹ «Европейский Суд ранее рассматривал ряд дел, касавшихся вопросов семейной или личной жизни в контексте высылки или выдачи иностранца, например, в связи с уголовным преследованием. Вопросы статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] также возникали в делах, в которых, как в настоящем деле, заявителям грозила выдача из государства-ответчика в другое государство, когда они находились в розыске за совершение преступлений» (пункт 193 постановления от 5 июня 2012 г. по делу *Шакуров против Российской Федерации*).

⁶² Статьей 13 Конвенции предусматривается, что «[к]аждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.»

⁶³ «Статья 13 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] гарантирует существование во внутригосударственном праве средства правовой защиты, позволяющего пользоваться правами и свободами, закрепленными в Конвенции. Это положение, таким

11. Практика международных договорных органов

11.1. выдача в Азербайджанскую Республику⁶⁴

Дела, по которым установлено отсутствие нарушения права⁶⁵ лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Решение⁶⁶ Европейского Суда по правам человека по жалобе № 55091/13 «*Ибрагим Хасан Оглы МУСАЕВ против Российской Федерации*» от 23 сентября 2014 г.

Правовые позиции: заявитель обязан предоставить доказательства, подтверждающие наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции ... Если подобные доказательства были представлены, то Власти должны рассеять любые возникшие сомнения (пункт 36 решения).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Суд в первую очередь отмечает, что указанное дело об экстрадиции касается двух Высоких Договаривающихся Сторон, являющихся участниками Европейской Конвенции по правам человека, которые обязались обеспечивать основные права, гарантированные Конвенцией... В данных обстоятельствах Суд напоминает, что в отсутствие доказательства обратного считается доказанным, что государство, выступающее стороной в деле, выполнило свои конвенционные обязательства (пункт 37 решения).

образом, влечет за собой требование внутригосударственного основанного на Конвенции средства правовой защиты, позволяющего рассматривать доказуемую жалобу, и предоставление соответствующего исправления положения. Предел действия обязательства, которое статья 13 налагает на Государства-участников Конвенции, варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя. С учетом важности, которую Суд придает статье 3 Конвенции, и необратимого характера ущерба, который может быть причинен в случае реализации риска пыток или жестокого обращения, эффективность средства правовой защиты в смысле статьи 13 настоятельно требует внимательного контроля со стороны национального органа власти, независимого и тщательного рассмотрения любой жалобы, в соответствии с которой имеются основания предполагать наличие риска обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, а также особой быстроты. Она также требует, чтобы заявители имели в распоряжении средство правовой защиты, имеющее автоматическое приостанавливающее действие» (пункт 76 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

⁶⁴ Здесь и далее перечень запрашивающих государств представлен в алфавитном порядке.

⁶⁵ В том числе жалоба признана неприемлемой.

⁶⁶ Решение о неприемлемости жалобы.

Представитель заявителя в своих заявлениях Европейскому Суду ссылалась, главным образом, на доклады относительно общего положения дел в области прав человека в Азербайджане. Она, в частности, процитировала выводы и рекомендации, подготовленные Томасом Хаммарбергом 5 марта 2010 года и Нилом Муйжниексом 22-24 мая 2013 года по итогам их визитов в Азербайджан в качестве Комиссаров Совета Европы по правам человека. В обоих докладах говорилось о нескольких случаях в отношении журналистов, заключавшихся в неоправданном и избирательном преследовании со стороны органов власти, которые могут рассматриваться как нарушения прав человека. Представитель заявителя также упомянула вопросы независимости судебной системы и примеры пыток, изложенные в докладах правозащитных организаций (пункт 38 решения).

Несмотря на то что Суд обеспокоен указанными докладами и, в частности, следующими один за другим выводами Комиссаров Совета Европы по правам человека, он напоминает, что *ссылки на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в той или иной стране, не могут сами по себе служить основанием для отказа в экстрадиции...* Если доступные Суду источники описывают общее положение, то конкретные утверждения заявителя по делу должны подтверждаться иными доказательствами, касающимися личных обстоятельств, в обоснование опасений жестокого обращения (пункт 39 решения).

На основании имеющихся в его распоряжении материалов Европейский Суд не может заключить, что данные критерии доказанности были соблюдены заявителем. Ни Европейскому Суду, ни российским властям заявитель не представил никаких доказательств своей службы в Министерстве национальной безопасности Нахичеванской Автономной Республики или преследования со стороны органов власти (пункт 40 решения).

По мнению Европейского Суда, национальные органы власти действовали в рамках своего обязательства, предусмотренного статьей 3 Конвенции, как в рамках производства по предоставлению убежища, так и в рамках производства по экстрадиции, и провели проверки заявлений о возможном риске жестокого обращения. Прежде чем отклонить утверждения заявителя как необоснованные, власти миграционных служб, прокуратура и суды предоставляли заявителю и его представителю возможность представить доказательства, и даже в отсутствие таких доказательств они изучили общую ситуацию в Азербайджане, рассмотрели гарантии Властей Азербайджана и поведение самого заявителя... Следовательно, Суд удовлетворен тем, что оценка российских органов власти была адекватной и в достаточной мере подтверждалась собственными материалами, а также материалами, полученным из других надежных и объективных источников (пункт 41 решения).

11.2. выдача в Республику Беларусь

Дела, по которым установлено отсутствие нарушения права лица⁶⁷, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 69235/11 «**К. против Российской Федерации**» (вынесено 23 мая 2013 г., вступило в силу 23 августа 2013 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что в случае выдачи Белоруссии ему угрожает жестокое обращение в нарушение статьи 3 Конвенции, и что он лишен эффективных средств правовой защиты в отношении этой жалобы.

Европейский Суд установил, что «...органы страны и власти Российской Федерации отклонили утверждения о предполагаемой угрозе жестокого обращения, сославшись на гарантии белорусских властей, которые заверяли, что заявитель не будет преследоваться за преступления, не указанные в запросе о выдаче, и он не подвергнется пытке, жестокому обращению или политическому преследованию» (пункт 64 постановления).

Суд отметил, что «...гарантии, данные белорусскими властями, имели скорее общий характер... Кроме того, власти Российской Федерации не указали, существуют ли конкретные механизмы - дипломатические или мониторинговые - за счет которых соблюдение этих обязательств может быть объективно проверено... Неясная ссылка на тот факт, что они никогда не сталкивались с проблемами в сотрудничестве с белорусскими властями по сходным вопросам, имевшем место ранее, недостаточна для Европейского Суда в устранении сомнений по поводу данных гарантий» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд, приняв во внимание решения российских судов, вынесенных в ходе разбирательства о выдаче, а также предоставленных ему материалов отметил, что «...утверждение заявителя о его политическом преследовании в Белоруссии недостаточно обосновано... заявитель разыскивается белорусскими властями в связи с обвинениями в похищении людей при отягчающих вину обстоятельствах, разбое и вымогательстве, которые, хотя и являются тяжкими, составляют общеуголовные преступления. Решения белорусских властей, описывающие обстоятельства преступлений и излагающие подозрения против заявителя, являются подробными и мотивированными. Кроме того, нет оснований для сомнений в выводе

⁶⁷ В том числе жалоба признана неприемлемой.

российских судов о том, что предусмотренный законом срок давности для преследования данных преступлений не истек» (пункт 68 постановления).

Суд подчеркнул, что «...в своих объяснениях национальным органам и Европейскому Суду заявитель ссылался на копию «удостоверения свободного гражданина», предположительно свидетельствующего о его членстве в Социал-демократической партии Белоруссии и, следовательно, подкрепляющего его утверждение о том, что ему угрожает жестокое обращение. Однако Европейский Суд не убежден в подлинности или доказательной силе этого удостоверения, поскольку на нем отсутствует печать или подпись официального органа этой партии... Также не подтверждены объяснения заявителя о том, что он уже являлся жертвой жестокого обращения в имевших место ранее столкновениях с белорусской милицией. В этом вопросе он также не предоставил описаний предполагаемых происшествий, за исключением техники пыток, предположительно примененной к нему сотрудниками милиции» (пункт 69 постановления).

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что он не может заключить, что «...заявитель указал на какие-либо индивидуальные обстоятельства, способные обосновать его опасения по поводу пытки или жестокого обращения, или предоставил существенные основания полагать, что в случае выдачи он подвергнется реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции в запрашивающем государстве» (пункт 73 постановления).

практика Комитета ООН по правам человека

Сообщение: *В.Д. против Российской Федерации.* Сообщение № 2198/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 30 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдача в Беларусь.

Вопрос существа: неисчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточное обоснование жалоб.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, в котором он упоминает обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта⁶⁸. Комитет также указывал, что такая опасность должна быть личной⁶⁹ и что существует высокий порог для

⁶⁸ См. Замечание общего порядка №31, пункт 12.

⁶⁹ См., например, сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения от 26 марта 2014 г., пункт 9.2; № 282/2005, *С.ПУНКТА.против Канады*, решение от 7 ноября 2006 г.; № 333/2007, *Т.И. против Канады*, решение от 15 ноября 2010 года;

представления серьезных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда⁷⁰. При оценке существующей опасности должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в области прав человека в стране происхождения автора⁷¹. Комитет далее ссылается на свои решения, согласно которым значительный вес должен придаваться проведенной государством-участником оценке⁷², а рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств - участников Пакта, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии⁷³ (пункт 5.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет...отмечает утверждение автора о том, что экстрадиция в Беларусь явится нарушением его прав, предусмотренных, среди прочего, статьей 7 Пакта. В частности, автор заявляет, что в случае возвращения ему грозит опасность подвергнуться пыткам и жестокому обращению (пункт 5.4 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не привел убедительных доказательств какого-либо нарушения, допущенного в процессе принятия решений, а также достаточных пояснений по вопросу о том, почему решения властей государства-участника носят явно произвольный или заведомо ошибочный характер либо являются равносильными отказу в правосудии... Комитет отмечает, что представленные его вниманию материалы не позволяют ему сделать вывод о том, что рассмотрение властями государства-участника, в том числе его судебными органами, утверждения автора относительно его опасений и рисков, связанных с его возвращением в Беларусь, страдает какими-либо из подобных изъянов (пункт 5.5 Соображений).

Комитет считает, что в рассказе автора имеются расхождения, подрывающие доверие к его жалобе на то, что в случае возвращения в Беларусь ему будет грозить опасность применения жестокого обращения со стороны властей. Автор не представил каких-либо существенных доказательств в обоснование этого утверждения. В частности, он не изложил каких-либо деталей по вопросу об отсутствии надлежащей медицинской помощи или о предположительно бесчеловечных и унижающих достоинство условиях содержания в тюрьме, которым он якобы будет подвергнут. В ходе процедур, связанных с его экстрадицией и ходатайством об убежище, автор

№ 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, решение от 12 ноября 2010 г.; и № 692/1996, *А.Р.Х. против Австралии*, Соображения от 28 июля 1997 г., пункт 6.6.

⁷⁰ См., например, *Х. против Дании*, пункт 9.2; и № 1833/2008, *Х против Швеции*, Соображения от 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

⁷¹ Там же.

⁷² См., например, сообщения № 1957/2010, *Ц.Х. против Австралии*, Соображения от 21 марта 2013 г., пункт 9.3; и № 2344/2014, *Е.ПУНКТ и Ф.ПУНКТ против Дании*, Соображения от 2 ноября 2015 г., пункт 8.4.

⁷³ См., например, *Е.ПУНКТ и Ф.ПУНКТ против Дании*, пункт 8.4.

утверждал, что он преследуется властями Беларуси по причине своих политических и религиозных убеждений, а также социального статуса. При этом он не представил никаких подробностей своего преследования по указанным признакам... Комитет отмечает, что в процессе рассмотрения его ходатайства об убежище автор отказался привести какие-либо подробности своей политической деятельности. Более того, несмотря на его предполагаемое преследование в Беларуси, автор подал ходатайство о предоставлении убежища лишь в сентябре 2011 года, т.е. через десять лет после прибытия в государство-участник в сентябре 2001 года. С другой стороны, в период 2001-2011 годов автор мог свободно посещать своих родственников, врачей и других лиц, проживающих в Беларуси, не испытывая никаких проблем в отношениях с белорусскими властями (пункт 5.6 Соображений).

[В] связи с остальными заявлениями автора о том, что в случае его экстрадиции в Беларусь государство-участник также нарушит его права, предусмотренные статьями 14, 15 и 17 Пакта, Комитет отмечает, что автор не представил достаточных деталей и аргументов в обоснование своих заявлений согласно упомянутым положениям Пакта (пункт 5.7 Соображений).

Выводы Комитета: автору не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости, к, соответственно, объявляет данное сообщение неприемлемым по смыслу статьи 2 Факультативного протокола (пункт 5.8 Соображений).

11.3. выдача в Республику Казахстан

Дела, по которым установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 56662/09 «**Ошлаков против Российской Федерации**» (вынесено 3 апреля 2014 г., вступило в силу 3 июля 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что его экстрадиция в Казахстан подвергнет его риску жестокого обращения (пункт 70 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...несмотря на указание в международных докладах на серьезные проблемы в отношении прав человека в Казахстане, нет указаний на то, что данная ситуация является достаточно безнадежной, чтобы призвать к полному запрету экстрадиции в данную страну» (пункт 85 постановления).

Суд установил, что «...заявитель обвиняется в бандитизме и убийстве, то есть в совершении общеуголовных преступлений, которые в настоящем деле не могут быть описаны в качестве политически мотивированных. Утверждения заявителя о том, что любой заключенный в Казахстане подвергается риску жестокого обращения, являются слишком общими и не могут трактоваться в качестве обнаруживающих какой-либо определенный риск для него, возникающий в результате его частной ситуации. Его претензии о том, что он является целью для неизвестных сотрудников полиции Казахстана, которые, по его словам, лишили его имущества, не подтверждены доказательствами» (пункт 87 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...неопределенное упоминание заявителем его плохого состояния здоровья само по себе не может рассматриваться в качестве основания для того, чтобы он остался в России, так как *ничего в утверждениях заявителя не указывает на то, что лечебные учреждения в Казахстане хуже таких учреждений в России, и что заявитель не получит соответствующего лечения рака в запрашивающей стране*» (пункт 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...заявитель не обосновал свои утверждения о том, что его экстрадиция в Казахстан нарушила бы статью 3 Конвенции» (пункт 88 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что содержание его под стражей в ожидании экстрадиции нарушало требование законности и подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции (пункт 93 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[ч]тобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта »f« пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно *должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылались Власти*; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели» (пункт 112 постановления).

Суд отметил, что «...[в] решении [прокуратуры о помещении заявителя под стражу]...в качестве законного основания была указана [с]татья 61 Минской конвенции. Ни российские органы власти в ходе внутригосударственных судебных разбирательств, ни Власти в Суде не упомянули никакой другой внутригосударственной правовой нормы, наделяющей прокурора полномочиями заключать заявителя под стражу до момента получения запроса об экстрадиции...[С]татья 61 Минской конвенции не устанавливает каких-либо правил в отношении процедуры заключения лица под стражу... и может служить законным основанием для заключения под стражу только совместно с соответствующими положениями внутригосударственного законодательства, определяющими основания и процедуру вынесения постановления о заключении под стражу, а также применимые сроки» (пункт 108 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[у]читывая, что не было упомянуто положений российского законодательства, регулирующих содержание заявителя под стражей, до тех пор, пока прокуратура вновь не распорядилась о заключении заявителя под стражу... с 3 мая по 9 июня 2009 г. заявитель находился в правовом вакууме, который не был предусмотрен каким-либо положением внутригосударственного законодательства, четко определяющим основания для содержания заявителя под стражей и процедуру, а также сроки, применимые к такому содержанию под стражей в ожидании получения запроса об экстрадиции» (пункт 109 постановления).

Суд также установил, что «...содержание заявителя под стражей с 9 июня 2009 г. по 30 апреля 2010 г., когда было вынесено первое судебное решение, включающее содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции, было основано на [части] 2 [с]татья 466 УПК [РФ], которую Суд уже определил в качестве «неточной и непредсказуемой в ее применении» (пункт 110 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...заявитель содержался под стражей без определенного основания в российском внутригосударственном законодательстве или четких правил, регулирующих данную ситуацию. Данный вывод дополнительно подтверждается тем фактом, что оба решения районной прокуратуры о заключении заявителя под стражу не устанавливают какого-либо срока, ограничивающего содержание заявителя под стражей, или не содержат упоминания о каком-либо законоположении, определяющем такой срок. Данный факт несовместим с принципами правовой определенности и защиты от произвола, проходящими красной нитью через Конвенцию и правовые нормы» (пункт 111 постановления).

Учитывая, что городской суд принял решение не приводить достаточные фактические или законные причины, способные обосновать содержание заявителя под стражей «с целью... экстрадиции» на шесть месяцев и четыре дня, Суд установил, что «содержание заявителя под стражей в течение рассматриваемого периода не было тесно связано с причиной содержания под стражей, на которую опирались Власти, и следовательно, не было ограничено надлежащими мерами защиты от произвола» (пункт 115 постановления).

Суд заключил, что «...государственная система не смогла защитить заявителя от произвольного задержания, и его содержание под стражей... не может считаться «законным» в соответствии с целями статьи подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 117 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 39786/09 «*Ефимова против Российской Федерации*» (вынесено 19 февраля 2013 г., вступило в силу 8 июля 2013 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявительница жаловалась на то, что в случае выдачи в Казахстан она подвергнется угрозе жестокого обращения в нарушение статьи

3 Конвенции и что она была лишена эффективных средств правовой защиты в отношении данной жалобы.

Европейский Суд отметил, что «... заявительница выдвинула доводы относительно угрозы жестокого обращения в разбирательствах о предоставлении убежища и выдаче. За разбирательством о предоставлении убежища, в котором Управление ФМС по Москве и суды в основном обсуждали и отклоняли доводы заявительницы о политическом преследовании, последовали четыре этапа разбирательства о выдаче, в рамках которого Верховный Суд Российской Федерации несколько раз отменял решения городского суда, полагая, что последний уклонился от тщательного рассмотрения доводов заявительницы в отношении угрозы жестокого обращения» (пункт 198 постановления),

Суд подчеркнул, что «... после этих решений Верховного Суда Российской Федерации городской суд удовлетворил ходатайства заявительницы и ее адвокатов и приобщил к делу большое количество материалов, включавших доклады различных международных органов по ситуации с правами человека в Казахстане, статьи из средств массовой информации, видеозаписи и ряд постановлений Европейского Суда... На последнем этапе разбирательства, после рассмотрения этих материалов, а также информации и документов, собранных во время экстрадиционной проверки, проведенной Генеральной прокуратурой России, суды страны отклонили доводы заявительницы по поводу угрозы жестокого обращения в связи с предполагаемыми политическими мотивами ее уголовного преследования и предполагаемыми угрозами, выдвинутыми против нее казахскими должностными лицами в Казахстане и во время содержания под стражей в России как необоснованные, а те, которые касались высказываний должностных лиц государства, как неубедительные. Они также подчеркнули, что состояние здоровья заявительницы не препятствовало ее выдаче, и, отклоняя ее требования, они также ссылались на гарантии, данные казахскими властями, которые представлялись им широкими и данными органами, имевшими для этого все полномочия» (пункт 199 постановления).

Европейский Суд установил, что «... объяснения заявительницы по поводу угроз, предположительно высказанных казахскими должностными лицами во время нахождения в больнице в Казахстане, не только недостаточно обоснованы, но содержат существенные противоречия... помимо неясного упоминания о том, что ей предположительно угрожало репрессиями казахское должностное лицо во время содержания под стражей в России, она не предоставила дополнительных сведений в этом отношении - таких как изолятор, в котором она содержалась, дата или обстоятельства, при которых имели место беседа или беседы или конкретные подробности беседы» (пункты 206, 207 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что он не может заключить, что «...заявительница выдвинула индивидуальные обстоятельства, которые обосновывают ее опасения по поводу пытки или жестокого обращения, или

что имеются существенные основания полагать, что в случае выдачи она подвергнется реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в запрашивающем государстве» (пункт 213 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 18414/10 *«Шарипов против Российской Федерации»* (вынесено 11 октября 2011 г., вступило в силу 8 марта 2012 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский [С]уд напоминает, что, разрешая вопрос о том, было ли доказано, что заявитель подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в случае выдачи, Европейский суд рассматривает его в свете всех представленных ему материалов. В подобных делах Европейский [С]уд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя принимающему государству, учитывая общую ситуацию в указанном государстве и его личные обстоятельства. С этой целью, что касается общей ситуации в конкретной стране, Европейский [С]уд придавал значение информации из докладов независимых международных правозащитных организаций таких как, «Международная амнистия», или из государственных источников. В то же время, как устанавливал Европейский [С]уд, одна лишь возможность жестокого обращения вследствие нестабильной ситуации в принимающем государстве не свидетельствует о нарушении статьи 3 Конвенции, и если доступные Европейскому суду источники описывают общую ситуацию, специфические утверждения заявителя по конкретному делу должны подтверждаться иными доказательствами (пункт 33 постановления).

[П]ри рассмотрении такой угрозы Европейский [С]уд *оценивает ситуацию в ее развитии*, принимая во внимание данные об улучшении или ухудшении ситуации с правами человека в целом или в отношении конкретной группы или территории, которые могут относиться к положению заявителя (пункт 34 постановления).

Европейский [С]уд вначале отмечает, что в недавнем деле «Джаксыбергенов против Украины» он пересмотрел свои предыдущие выводы по другим делам, касавшимся экстрадиции в Республику Казахстан, и установил, что, хотя отчеты международных организаций продолжали выражать серьезную озабоченность относительно ситуации с правами человека в Республике Казахстан, не было никаких оснований полагать, что ситуация там настолько серьезна, что ведет к необходимости полного запрета на экстрадицию в эту страну (пункт 35 постановления).

Европейский [С]уд... отмечает, что заявитель не утверждал, что принадлежал к политической оппозиции или любой другой группе, находящейся в уязвимом положении. Его доводы о том, что любой подозреваемый по уголовному делу подвергается угрозе жестокого обращения в Республике Казахстан, являются слишком общими и не подтверждены никакими доказательствами. Кроме того, заявитель не привел никаких доказательств, что ему не будет обеспечен доступ к адекватной медицинской

помощи в случае экстрадиции, так же как и того, что состояние его здоровья настолько тяжелое и серьезное, что может стать препятствием для его экстрадиции (пункт 36 постановления).

11.4. выдача в Колумбию

практика Европейского Суда по правам человека

Дела, по которым установлено нарушение права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 24268/08 «*Клейн в против Российской Федерации*» (вынесено 1 апреля 2010 г, вступило в силу 4 октября 2010 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Информация из различных надежных источников, включая источники, на которые ссылался заявитель..., несомненно свидетельствует о том, что общая ситуация с правами человека в Колумбии далека от совершенства. Например, презюмируется ответственность представителей государства за ряд внесудебных убийств гражданских лиц, насильственных исчезновений и произвольных арестов (пункт 51 постановления).

Главный довод, выдвинутый заявителем по статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], касается угрозы жестокого обращения в Колумбии, усугубленной характером преступления, за которое он был осужден. Европейский Суд отмечает в данном отношении, что Комитет против пыток выразил озабоченность тем, что меры, принятые или принимаемые Колумбией против терроризма и незаконных вооруженных формирований, могли стимулировать практику пыток ... Европейский Суд далее отмечает, что доказательства, которыми он располагает, демонстрируют, что в Колумбии сохраняются проблемы, связанные с жестоким обращением с заключенными (пункт 53 постановления).

[В]озвращаясь к личной ситуации заявителя, Европейский Суд отмечает, что заявитель опасался подвергнуться целенаправленному жестокому обращению в Колумбии, поскольку вице-президент Сантос, как сообщалось, заявил, что он должен «сгнить в тюрьме». Он полагает, что, к сожалению, невозможно в полной мере оценить характер высказывания и подтекст, который оно могло иметь на оригинальном языке, а именно на испанском, поскольку заявитель не указал источник информации относительно рассматриваемого высказывания. Однако представляется, что высказывание, выражающее желание высокопоставленного чиновника, чтобы осужденный заключенный «сгнил в тюрьме», может рассматриваться как признак того, что

данному лицу серьезно угрожает жестокое обращение в заключении (пункт 54 постановления).

Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации получили гарантии Министерства иностранных дел Колумбии, согласно которым заявитель не будет подвергнут жестокому обращению... Тем не менее Европейский Суд отмечает, что рассматриваемые гарантии были весьма неопределенными и неточными; соответственно, он вынужден поставить под вопрос их ценность. Европейский Суд также напоминает, что дипломатические гарантии сами по себе недостаточны, чтобы обеспечить адекватную защиту против угрозы жестокого обращения, если надежные источники сообщают о практиках, применяемых или допускаемых властями, которые явно противоречат принципам Конвенции (пункт 55 постановления).

Европейский Суд рассмотрит довод заявителя, согласно которому российские власти не провели серьезного расследования возможности жестокого обращения в принимающей стране. Он отмечает в этом отношении, что заявитель сообщил российским судам о неблагоприятной ситуации с правами человека в Колумбии, ссылаясь на наличие продолжительного внутреннего вооруженного конфликта между государственными силами и военизированными формированиями и цитируя резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН и материалы заседания Комитета по правам человека... Кроме того, заявитель обратил внимание властей на тот факт, что колумбийский вице-президент угрожал сгноить его в тюрьме. [Национальный суд свел]... оценку предполагаемой индивидуальной угрозы жестокого обращения, вытекающей из высказывания вице-президента Сантоса, к одному лишь замечанию, согласно которому колумбийские суды были независимы от исполнительной власти, в связи с чем рассматриваемое высказывание не могло влиять на них... Таким образом, Европейский Суд не может заключить, что российские власти надлежащим образом рассмотрели опасения заявителя в отношении статьи 3 Конвенции в рамках национального разбирательства о выдаче (пункт 56 постановления).

11.5. выдача в Кыргызскую Республику

Дела, по которым установлено нарушение права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 14348/15 «**У.Н. против Российской Федерации**» (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.), которым установлено, что принудительное перемещение заявителя в Кыргызскую Республику (в порядке экстрадиции либо иным

способом) будет являться нарушением ст. 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].

Установлено также нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя возможности добиться судебного пересмотра постановления районного суда о применении к нему в течение определенного судом срока меры пресечения в виде заключения под стражу в целях экстрадиции, несмотря на имевшие место изменения в обстоятельствах, которые могли повлиять на законность соответствующей меры.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что в случае его выдачи в Кыргызстан... он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что он «...неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции по возвращении в Кыргызстан» (пункт 38 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что «...[к]ак и в предыдущих подобных делах, заявитель безуспешно пытался обратить внимание... на вышеупомянутые обстоятельства в ходе производства по экстрадиции и [по делу о предоставлении статуса беженца]...[О]снование национальных судов по делу заявителя было более подробным...Однако, их доводы, обосновывающие отклонение требований заявителя, уже были рассмотрены Европейским Судом в его предыдущих постановлениях, и он посчитал их недостаточными...Что касается последнего довода, представленного Европейскому Суду, и на основании того факта, что экстрадиции заявителя добивались за обычные уголовные преступления, в совершении некоторых из которых он признался...Европейский Суд может только напомнить, что поведение заявителя – каким бы нежелательным или опасным оно бы не было – не может отменить запрет на жестокое обращение согласно статье 3 Конвенции... [З]аявитель является этническим узбеком, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана за преступления, совершенные в ходе жестоких столкновений в июне 2010 года...Таким образом, *он является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению*» (пункт 39 постановления).

Таким образом, Европейский Суд заключил, что «...принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением статьи 3 Конвенции» (пункт 41 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, на отсутствие возможности судебного пересмотра законности его содержания под стражей.

Европейский Суд установил, что он «...уже выявлял нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, когда у заявителя не было возможности добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей в течение фиксированного периода времени, несмотря на изменения в обстоятельствах в течение этого периода времени, которые могли повлиять на законность его содержания под стражей... В настоящем деле, содержание заявителя под стражей было разрешено на фиксированный период – с 16 января 2015 г. по 23 июля 2015 г. Изменившимися обстоятельствами, которые могли повлиять на законность содержания под стражей, были промежуточная мера Европейского Суда 24 марта 2015 г. и вступление в силу решения [о выдаче] 25 марта 2015 г. Соответственно, чуть меньше четырех месяцев, в течение которых заявитель не мог добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей» (пункт 45 постановления).

В отсутствие каких-либо новых доводов или фактов, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №17724/14 «Таджибаев против Российской Федерации» (вынесено 1 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель утверждал, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он мог быть подвергнут жестокому обращению из-за своей национальности принадлежности⁷⁴. Он также жаловался на то, что российские власти отказались серьезно и тщательно рассматривать его доводы относительно риска жестокого обращения в запрашивающей стране.

Европейский Суд установил, что «...в 2012 году ситуация на юге [Кыргызстана] была отмечена применением пыток и других жестоких видов обращения в отношении этнических узбеков со стороны правоохранительных органов, и после событий в июне 2010 года случаи применения пыток и других жестоких видов обращения участились, причем теперь они отягощались безнаказанностью правоохранительных органов...[П]роблему необходимо было рассматривать на фоне развития этнического национализма в политике Кыргызстана, в особенности на юге, роста межэтнического напряжения между киргизами и узбеками, длительной дискриминации узбеков на государственном уровне и подавляющего меньшинства узбеков, среди

⁷⁴ Заявитель является этническим узбеком.

прочего, в правоохранительных и судебных органах» (пункт 42 постановления).

Суд подчеркнул, что «...если заявитель заявляет о своей принадлежности к группе лиц, в отношении которых систематически применяется жестокое обращение, то в случае представления заявителем серьезных оснований, позволяющих убедиться в наличии такой практики и его принадлежности к такой группе (на основании, в случае необходимости, сведений, изложенных в последних докладах независимых международных правозащитных или неправительственных организаций), заявитель подпадает под защиту статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 43 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...заявление заявителя о предоставлении ему статуса беженца было отклонено, как неприемлемое, миграционными органами, которые пришли к выводу – и их вывод был впоследствии подтвержден российскими судами – что заявителю не может быть предоставлен статус беженца, поскольку не имелось доказательств, что его преследовали на основании его этнической принадлежности...[Д]оводы заявителя относительно риска жестокого обращения не получили должной оценки на национальном уровне» (пункт 44 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...с учетом доказанного широко распространенного и повседневного применения в отношении членов узбекской диаспоры, к которой принадлежит заявитель, пыток и других жестоких видов обращения со стороны правоохранительных органов на юге Кыргызстана, а также с учетом безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточной защиты для заявителя в запрашивающей стране...[обосновано] наличие реальной угрозы применения в отношении заявителя обращения, запрещенного статьей 3, в случае его возвращения в Кыргызстан» (пункт 48 постановления).⁷⁵

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №8474/14 «*Набид Абдуллаев против Российской Федерации*» (вынесено 15 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что в случае его выдачи в Кыргызстан он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежит к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что «...в отличие от других ранее рассмотренных Судом дел против России, касающихся экстрадиции в Кыргызстан, в настоящем деле внутригосударственные органы власти рассмотрели доводы заявителя, подтверждаемые различными источниками

⁷⁵ См. также постановление Европейского Суда по жалобе №15590/14 «*Тургунов против России*»

ООН⁷⁶ и докладами НПО⁷⁷, относительно существования распространенной практики пыток и иных форм жестокого обращения с узбеками в Кыргызстане, особенно в контексте уголовного преследования за преступления, связанные с событиями, произошедшими в июне 2010 года. Однако они сочли, что эти обстоятельства сами по себе не могут считаться достаточными для отказа в выдаче заявителя Кыргызстану... [В]нутригосударственные суды придали особое значение дипломатическим заверениям властей Кыргызстана, которых, по их мнению, достаточно для устранения угрозы того, что заявитель будет подвергнут жестокому обращению в случае его выдачи» (пункт 64 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...с учетом подтвержденного, широко распространенного и повсеместного применения пыток и других видов жестокого обращения правоохранительными органами в южной части Кыргызстана по отношению к представителям узбекского сообщества, к которому принадлежит заявитель, безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточных гарантий для заявителя в запрашивающем государстве...[обосновано], что заявитель может столкнуться с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3, в случае возвращения в Кыргызстан» (пункт 70 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 5614/13 *«Мамадалиев против Российской Федерации»* (вынесено 24 июля 2014 г., вступило в силу 15 декабря 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель утверждал, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству (пункт 43 постановления).

Европейский Суд установил, что «... российские власти вынесли решение об экстрадиции заявителя в Кыргызстан в связи с его преследованием по обвинению в убийстве, в уголовном процессе, который был возбужден против него в Джалал-Абаде на юге Кыргызстана. Джалал-Абад, который был ареной ожесточенных межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года, очевидно, является местом... куда будет экстрадирован заявитель» (пункт 59 постановления).

Суд отметил, что «...в ходе внутринационального разбирательства, в котором заявитель обжаловал решение об его экстрадиции, он утверждал, что будучи этническим узбеком, он столкнется с серьезным риском жестокого обращения, если запрос об экстрадиции будет удовлетворен. С одной стороны, он сослался на общую ситуацию на юге Кыргызстана, которая характеризуется продолжающейся практикой преследования и дискриминации в отношении этнической узбекской общины. С другой стороны, он подчеркнул, что в его

⁷⁶ Организация Объединённых Наций

⁷⁷ Неправительственная организация

конкретном случае существовали определенные основания полагать, что персонально его преследование было произвольным и, следовательно, он столкнулся с реальным риском жестокого обращения... Решение Верховного Суда Республики Чечня... не принимало во внимание доводы заявителя относительно риска жестокого обращения в Кыргызстане... Верховный Суд Российской Федерации по существу повторил аргументацию суда первой инстанции. Он не обращался к показаниям заявителя, и не оценивал риск жестокого обращения на основе докладов авторитетных источников. Тем самым он воздержался от компенсации отказа суда низшей инстанции сделать такую оценку... [П]ри принятии решения по запросу заявителя о предоставлении статуса беженца, суды также не дали адекватный ответ на его аргументы относительно риска жестокого обращения» (пункты 63, 64 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «...ссылка Властей на дополнительные заверения о предоставлении доступа российскому дипломатическому персоналу к месту содержания заявителя под стражей, не была подтверждена никакими доказательствами... Более того, в Суде не было продемонстрировано обязательство Кыргызстана гарантировать доступ к заявителю российского дипломатического персонала, который привел бы к эффективной защите от запрещенного жестокого обращения в практическом плане, а также не было показано, что вышеупомянутый персонал будет располагать достаточными навыками, необходимыми для эффективного наблюдения за соблюдением киргизскими органами власти их обязательств. Не было никакой гарантии, что они смогут говорить с заявителем без свидетелей. Кроме того, возможность их привлечения не была подтверждена ни практическим механизмом с изложением, например, процедуры, с помощью которой заявитель мог бы подавать им жалобы, или процедуры их беспрепятственного доступа к месту содержания под стражей» (пункт 69 постановления).

практика Комитета ООН против пыток

Сообщение: *Николай Валетов против Казахстана*. Сообщение № 2104/2011. Сообщение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 17 марта 2014 года.

Тема сообщения: угроза выдачи заявителя в Кыргызстан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению, что в ответ на жалобы автора от 29 июня 2011 года и 27 июля 2011 года государство-участник провело расследования в целях проверки утверждений о применении пыток. Вместе с тем Комитет принимает во внимание также не опровергнутые доводы автора о том, что «проверка стала простой формальностью», что автор не участвовал в процессе расследования, так и не был опрошен, а судебно-медицинская экспертиза не проводилась (пункт 14.3 Решения).

Комитет принимает к сведению также утверждение автора о том, что в результате пыток во время нахождения под стражей в Кыргызстане он получил тяжкие телесные повреждения, приведшие к инвалидности. Комитет принимает во внимание также утверждение государства-участника о том, что утверждения автора о пытках со стороны кыргызстанских правоохранительных органов являются необоснованными и вызваны желанием остановить экстрадицию. По мнению Комитета, государство-участник не объяснило, почему оно отвергло утверждения автора о пытках, не проведя перед его высылкой судебно-медицинской экспертизы, которая могла бы подтвердить его заявление о наличии на его теле до сих пор шрамов и следов пыток. Комитет отмечает также, что после экстрадиции государство-участник признало необходимость в этом и просило Генеральную прокуратуру Кыргызстана провести медицинское обследование для проверки утверждений автора о применении пыток (пункт 14.4 Решения).

Комитет напоминает, что на момент экстрадиции автора властям государства-участника было известно или должно было быть известно о наличии заслуживающих доверия публичных докладов о широко распространенном применении в Кыргызстане пыток в отношении лиц, содержащихся под стражей⁷⁸. Он отмечает, что при оценке наличия реальной угрозы причинения непоправимого вреда в стране, направившей запрос об экстрадиции, компетентные органы власти Казахстана должны были принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая общую обстановку в Кыргызстане. Комитет принимает к сведению, что государство-участник заручилось заверениями Генеральной прокуратуры Кыргызстана в соблюдении прав автора. Наличие заверений, их содержание, а также наличие и применение механизмов обеспечения их выполнения – все это элементы, имеющие значение для общей оценки наличия или отсутствия реальной опасности запрещенного неправильного обращения. Комитет, однако, вновь указывает, что в предоставленных заверениях должен как минимум предусматриваться механизм мониторинга и их соблюдение должно гарантироваться практическими договоренностями, которые предусматривали бы их эффективное выполнение высылающим и принимающим государствами⁷⁹. Комитет принимает во внимание утверждение государства-участника о том, что сотрудники его посольства до сих пор не смогли посетить автора в месте его заключения в Кыргызстане, поскольку не получили соответствующего разрешения кыргызстанских властей. Государство-участник не сообщило Комитету, предпринимались ли им какие-либо действия в ответ

⁷⁸ См. заключительные замечания Комитета по правам человека, Кыргызская Республика, ССР/СО/69/KGZ, 20 июля 2000 года, пункт 7; доклад Комитета против пыток Генеральной Ассамблее, А/55/44, пункт 74.

⁷⁹ См. сообщения № 1461/2006, 1462/2006, 1476/2006 и 1477/2006, *Максудов и др. против Кыргызстана*, пункт 12.5, и сообщение № 1416/2005, *Альзери против Швеции*, Соображения, принятые 25 октября 2006 года, пункт 11.5.

на этот отказ в целях выполнения «дипломатических заверений», заключенных между Казахстаном и Кыргызстаном (пункт 14.5 Решения).

Комитет принимает к сведению также утверждения автора о том, что после экстрадиции он подвергся обращению, запрещенному в соответствии со статьей 7 Пакта⁸⁰, и что 11 мая 2012 года в знак протеста против повторного применения пыток, нерасследования сделанных им заявлений о пытках и многочисленных других нарушений своих прав человека, автор объявил голодовку. Представители государства-участника не посетили автора в изоляторе временного содержания, несмотря на просьбу автора, адресованную государству-участнику. Такое бездействие может объясняться отсутствием практических договоренностей в рамках предоставленных заверений или недостаточностью усилий со стороны государства-участника по обеспечению выполнения заверений. С учетом данных обстоятельств Комитет приходит к выводу о том, что получение заверений общего характера от Генерального прокурора Кыргызстана не может считаться эффективным механизмом, защищающим автора сообщения от опасности применения пыток (пункт 14.6 Решения).

Комитет отмечает, что решение казахстанских властей выдать автора в Кыргызстан, принятое без проведения надлежащего расследования утверждений о пытках и без учета заслуживающих доверия сообщений о широко распространенном применении пыток в отношении лиц, содержащихся под стражей в этой стране, а также необоснованный отказ в проведении медицинского освидетельствования перед его экстрадицией, указывают на серьезные нарушения процедур принятия решений и свидетельствуют о том, что государство-участник не приняло во внимание серьезные факторы риска, сопряженные с экстрадицией. Комитет отмечает также, что неспособность государства-участника впоследствии посетить автора и проконтролировать условия его содержания в заключении говорит о том, что государству-участнику не следовало удовлетвориться получением заверений от Генеральной прокуратуры Кыргызстана в качестве действенной гарантии от угрозы нарушения прав автора (пункт 14.7 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Казахстаном прав автора сообщения, предусмотренных статьей 7 Пакта. Государство-участник нарушило также свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола к Пакту⁸¹ (пункт 15 Решения).

⁸⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

⁸¹ Государство-участник нарушило свои обязательства по Факультативному протоколу, осуществив экстрадицию заявителя прежде, чем Комитет мог завершить свое рассмотрение и изучение дела, а также подготовку и препровождение своих соображений. Государство-участник совершило данные действия после того, как Комитет, действуя в соответствии с правилом 92 своих правил процедуры, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от экстрадиции автора.

Дела, по которым установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

Практика Комитета ООН по правам человека

Сообщение: *К.Б. против Российской Федерации.* Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 10 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдача в Кыргызстан и чрезмерное применение силы при задержании.

Вопрос существа: риск пыток и жестокого обращения; чрезмерное применение силы.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на пункт 12 своего [З]амечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, в котором он обращает внимание на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как предусмотрено в статьях 6 и 7 Пакта. Комитет ... указывает, что такой риск должен носить личный характер, и тут имеется высокий порог для того, чтобы иметь существенные основания установить наличие реального риска невозмездимого вреда⁸². При проведении такой оценки надо учитывать все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в стране происхождения автора с правами человека. Комитет... напоминает свои решения о том, что следует придавать значительный вес оценке, проведенной государством-участником⁸³, и что, как правило, именно органы государств-участников Пакта должны рассматривать и оценивать факты и доказательства с целью установить наличие такого риска, если только не будет сочтено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна очевидной ошибке или отказу в правосудии⁸⁴ (пункт 10.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: утверждения автора о том, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он будет подвергнут пыткам, были рассмотрены Федеральной миграционной службой государства-

⁸² См., например, сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., пункт 9.2; № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

⁸³ См., например, сообщения № 1957/2010, *Линь против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., пункт 9.3; № 2344/2014, *Е.ПУНКТ и Ф.ПУНКТ против Дании*, Соображения, принятые 2 ноября 2015 г., пункт 8.4.

⁸⁴ См., например, сообщение № 2344/2014, *Е.ПУНКТ и Ф.ПУНКТ против Дании*, Соображения, принятые 2 ноября 2015 г., пункт 8.4.

участника в ходе разбирательств по поводу убежища и российскими судами в ходе разбирательств по поводу экстрадиции, которые сочли неосновательными его утверждения о том, что он столкнется в Кыргызстане с реальным, предсказуемым и личным риском подвергнуться пыткам. Комитет... отмечает, что *большинство доказательств, представленных автором, касаются не его конкретного случая, а общей ситуации в Кыргызстане с правами человека*. В этой связи, как отмечает Комитет, автор утверждает, что в марте 2010 года он подвергался в Кыргызстане пыткам и в результате проходил медицинское лечение в Грозном. Автор представил Комитету копию выписки из его медицинской карты относительно его лечения в Грозном, которая была выдана 31 декабря 2011 г., т.е. спустя почти два года после предполагаемого жестокого обращения в Кыргызстане в марте 2010 года. Комитет отмечает, однако, что, согласно этой выписке, автор проходил лечение в амбулаторном медицинском заведении в Грозном с 20 по 31 марта 2010 г., тогда как, согласно решению московского Управления Федеральной миграционной службы от 26 марта 2012 г., автор приехал в Москву 24 марта 2010 г. Вдобавок Комитет отмечает, что, согласно копиям разных апелляций автора, поданных властям государства-участника, автор не представлял властям эту выписку.... [А]втор не предоставил ни властям государства-участника, ни Комитету каких бы то ни было сведений о жестоком обращении, перенесенном в марте 2010 года, т.е. тут нет никакой информации относительно метода пыток, контекста или предполагаемых исполнителей (как то: их имя и число). Комитет отмечает, что таких сведений не содержит и жалоба брата автора президенту Чечни от 17 апреля 2012 г. Он также отмечает, что в своем ходатайстве об убежище от 21 декабря 2011 г. автор заявил, что он покинул Кыргызстан в марте 2010 г. из-за этнических трений...; он не утверждал, что подвергался пыткам. Вдобавок Комитет отмечает отсутствие каких-либо доказательств, которые подтверждали бы, что решения ведомств государства-участника носили явно произвольный характер в отношении утверждений автора. В свете вышеизложенного Комитет не может заключить, что имеющаяся у него информация показывает, что экстрадиция автора в Кыргызстан подвергала бы его реальному риску обращения вопреки статье 7 Пакт⁸⁵ (пункт 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: экстрадиция автора до рассмотрения его сообщения в Комитете противоречит просьбе Комитета относительно временных мер защиты по настоящему делу, вскрывая нарушение Российской Федерацией своих обязательств по статье 1 Факультативного протокола⁸⁶ (пункт 11 Соображений).

⁸⁵ См., например, сообщение № 2192/2012, *Н.С. против Российской Федерации*, Соображения, принятые 27 марта 2015 г., пункт 10.4.

⁸⁶ Там же, пункт 11 .

Государство-участник несет обязанность избегать нарушений статьи 1 Факультативного протокола в будущем и удовлетворять просьбы Комитета относительно временных мер⁸⁷ (пункт 12 Соображений).

11.6. выдача в Мексиканские Соединенные Штаты

Дела, по которым установлено нарушение права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Комитета ООН против пыток

Сообщение: *Режан Буали против Канады*. Сообщение № 327/2007. Решение, принятое Комитетом против пыток (далее – Комитет) 14 ноября 2011 года.

Тема сообщения: выдача заявителя в Мексику для отбывания тюремного заключения за незаконный оборот наркотиков.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель представлял свои доводы и вспомогательные⁸⁸ доказательства различным органам власти государства-участника.... Принимая к сведению утверждения заявителя о том, что суды государства-участника основывались в своих решениях на ошибочных предположениях относительно эффективности дипломатических заверений, предоставленных Мексикой, в частности в отношении способности мексиканских властей контролировать силы безопасности страны и уменьшать тем самым опасность применения пыток, Комитет приходит к выводу о том, что представленная ему информация не указывает на наличие каких-либо очевидных ошибок в рассмотрении государством-участником утверждений заявителя и представленных им доказательств (пункт 14.2 Решения).

Оценивая опасность применения пыток на момент выдачи заявителя, Комитет отмечает, что заявитель указал на то, что подвергался пыткам во время ареста и что ему угрожали пытками в лазарете мексиканской тюрьмы в 1998 году и что в доказательство своих заявлений он представил медицинские заключения, подтверждающие, что он страдал психологическими отклонениями, включая посттравматический стресс, а также результаты проведенной полицией в государстве-участнике проверки на детекторе лжи, которые показали, что его утверждения о применении к нему пыток достоверны. В отношении реальной и личной опасности для заявителя подвергнуться пыткам в случае его выдачи Комитет отмечает, что заявитель указал на значительную опасность быть подвергнутым пыткам ввиду того, что он подлежал возвращению в ту же тюрьму, из которой совершил побег и в

⁸⁷ Там же, пункт 12.

⁸⁸ Дополнительные.

которой ему, согласно его утверждениям, угрожали пытками те самые сотрудники полиции из полицейского участка, которые арестовали его в 1998 году. Заявитель поставил под сомнение надежность дипломатических заверений, поскольку, с одной стороны, они были даны страной, в которой пытки, как утверждалось, были широко распространены или же практика их применения отрицалась властями, а во-вторых, было маловероятно, что полиция не станет допрашивать его в связи с преступлением, в совершении которого его обвиняли. В отношении последующих мер по контролю за соблюдением дипломатических заверений Комитет отмечает, что после своей выдачи заявитель утверждал, что был подвергнут пыткам, хотя государство-участник оспаривает правоту этих утверждений. Комитет также отмечает, что национальные суды государства-участника сочли, что опасность для заявителя быть подвергнутым пыткам будет минимальной и что заявитель не смог представить убедительных доказательств того, что будет допрашиваться полицией. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что опасность применения пыток была уменьшена благодаря дипломатическим заверениям, действенность которых была оценена с учетом того факта, что будет создан механизм для контроля за положением заявителя на основе его регулярных посещений сотрудниками консульской службы. Это утверждение оспаривается заявителем, который указывает на то, что в период с 17 по 20 августа 2007 года государство-участник не предпринимало никаких шагов с целью удостовериться в его безопасности (пункт 14.3 Решения).

Неоспоримым является то, что заявитель ранее подвергался пыткам. С учетом этих обстоятельств Комитет должен определить, позволял ли характер дипломатических заверений в данном конкретном случае устранить все разумные сомнения в том, что заявитель не будет подвергаться пыткам после выдачи. В этом контексте *Комитет должен учесть, были ли предусмотрены в полученных дипломатических заверениях процедуры последующего контроля, которые гарантировали бы их эффективность* (пункт 14.4 Решения).

В данном случае Комитет придерживается того мнения, что перед тем как принять решение о выдаче, государство-участник не учло всех обстоятельств, указывающих на то, что заявитель подвергался предсказуемой, реальной и личной опасности применения к нему пыток. *Во-первых, государство-участник не учло того факта, что заявитель подлежал направлению в ту же тюрьму, в которой во время его побега несколькими годами ранее погиб тюремный охранник, и что гибель охранника также являлась одной из причин направления запроса о выдаче. Во-вторых, согласованная система дипломатических заверений не была тщательным образом отработана для эффективного предотвращения пыток.* Дипломатические и консульские представительства государства-участника не были надлежащим образом уведомлены о высылке заявителя и не были информированы о необходимости поддержания тесного и постоянного контакта с ним начиная с момента передачи его властям принимающей стороны. В данном случае дипломатические заверения и предусматривавшиеся

посещения сотрудниками консульской службы не позволили предугадать вероятность того, что заявитель столкнется с весьма серьезной опасностью применения пыток в течение первых дней своего тюремного заключения. А такая опасность действительно оказалась реальной, поскольку заявитель прибыл в Мексику 17 августа 2007 года и, по его словам, подвергался пыткам в период с 17 по 20 августа 2007 года. При этом государство-участник до 22 августа 2007 года не предпринимало никаких мер для того, чтобы удостовериться в его безопасности (пункт 14.5 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя государством-участником в Мексику представляла собой нарушение статей 3 и 22 Конвенции (пункт 14.6 Решения).

11.7. выдача в Республику Таджикистан

Дела, по которым установлено нарушение права выдаваемого лица не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 31890/11 «*Низомохон Джураев против Российской Федерации*» (вынесено 3 октября 2013 г., вступило в силу 20 января 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отмечает делящуюся и преобладающую критику, выражаемую в национальных и международных докладах, которые на протяжении последних нескольких лет последовательно сообщали о распространенном систематическом использовании пытки правоохранительными органами Таджикистана и безнаказанности должностных лиц государства. Он уже рассматривал в нескольких делах ситуации выдачи или принудительного возвращения заявителей в эту страну и отметил, что они вызывают серьезную озабоченность Во всех этих делах, разрешенных Европейским Судом в 2010 году, он заключил, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, заявители столкнулись с серьезной угрозой пытки или жестокого обращения в связи с обвинениями по поводу их политических или религиозных взглядов или деятельности в Таджикистане (пункт 124 постановления).

Хотя таджикские власти полагали, что подобные нарушения прав человека остались в прошлом, материалы, представленные в настоящем деле или полученные Европейским Судом иным образом, не демонстрируют значимого прогресса за последние два года. Большинство последних докладов, датируемых 2011 и 2012 годами, продолжают указывать на сохранение практики пытки и иного жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов (см. различные источники, процитированные в

§ 82 настоящего Постановления). Европейский Суд находит, что объяснения государства-ответчика не опровергают эти недавние доклады или иным образом не свидетельствуют об ошутимом улучшении ситуации в Таджикистане (пункт 125 постановления).

[О]дни лишь ссылки на общие проблемы с соблюдением прав человека в конкретной стране не могут сами по себе служить основанием для отказа в экстрадиции, кроме самых исключительных обстоятельств. Специфические утверждения заявителя по конкретному делу должны подтверждаться иными доказательствами со ссылкой на индивидуальные обстоятельства, подтверждающие его опасения подвергнуться жестокому обращению. По мнению Европейского Суда, необходимость в таких доказательствах тем больше в таком деле, как настоящее, поскольку обвинения, выдвинутые против заявителя в Таджикистане, по-видимому, носят общеуголовный характер ... В отсутствие значимой оценки обстоятельств заявителя со стороны российских властей Европейский Суд вынужден рассматривать факты, подкрепляющие версию заявителя, включая показания свидетелей (пункт 126 постановления).

Свидетели давали последовательные показания в различное время. Способ передачи этих показаний свидетелями и средствами массовой информации также был последовательным. С учетом их существа и способа их записи и сбора Европейский Суд не видит оснований сомневаться в их аутентичности. Он также находит версии жестокости, содержащиеся в этих показаниях, соответствующими вышеупомянутым докладам о ситуации в Таджикистане, включая те, которые датируются периодом проведения расследования по «Исфаринскому делу» (пункт 127 постановления).

Европейский Суд отмечает, что заявитель обвинялся в экономических преступлениях, совершенных в крупном размере, и организации деятельности преступной группы, которые считаются тяжкими или особо тяжкими в большинстве государств, включая Таджикистан. Он также являлся основным фигурантом уголовного дела, по которому уже были осуждены более 30 человек, и многие из них утверждали в той или иной форме, что подвергались пытке с целью оговора заявителя. Европейский Суд полагает, что угроза еще больше увеличилась вследствие разоблачения заявителем злоупотреблений таджикских следственных органов путем обнародования свидетельских показаний о пытке (пункт 128 постановления).

Явная заинтересованность таджикских властей в благоприятном исходе разбирательства по настоящему делу повышала угрозу подверженности заявителя пытке с целью склонения его к даче показаний. Настойчивые требования таджикской Генеральной прокуратуры о содержании заявителя под стражей в России по новым основаниям и последующая принудительная передача последнего Таджикистану подкрепляют довод о том, что таджикские власти были сильно заинтересованы в преследовании заявителя, что ставило его в особо уязвимое положение (пункт 129 постановления).

Европейский Суд приходит к выводу о том, что личные обстоятельства заявителя, которые усугубляла общая ситуация в Таджикистане, были достаточны для вывода о том, что угроза жестокого обращения с ним была реальной и сопоставимой с угрозой, которую Европейский Суд ранее устанавливал относительно заявителей, которые преследовались в Таджикистане в связи с их политической или религиозной деятельностью (пункт 130 постановления).

Остается рассмотреть вопрос о том, могла ли угроза, которой заявитель подвергался бы в случае выдачи, уменьшиться в связи с дипломатическими заверениями, которые таджикские власти представили Российской Федерации. Заслуживает внимания, что дипломатические заверения, содержащиеся в письмах от 1 сентября 2010 г. и 26 января 2011 г. ..., были более конкретными, чем те, которые рассматривал Европейский Суд в предыдущих делах относительно выдачи Таджикистану. Гарантии указывали, что заявитель не подвергнется пытке, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию и что представители российского дипломатического корпуса и Генеральной прокуратуры смогут навещать его в любое время в период судебного разбирательства и после осуждения и наблюдать условия его содержания (пункт 131 постановления).

Европейский Суд отмечает в этом отношении, что Таджикистан не является государством - участником Конвенции ..., и *его власти не продемонстрировали наличие эффективной системы правовой защиты против пытки*, которая была бы эквивалентом системы, требуемой от государств-участников. Напротив, как установлено выше, таджикские власти неохотно расследовали утверждения о пытке и наказывали виновных. Озабоченность Европейского Суда по поводу готовности таджикских властей соблюдать национальное законодательство и международное право еще больше усугубляется неоднократными случаями исчезновения таджикских граждан в России и их последующей тайной репатриации в Таджикистан путем обхода существующей процедуры выдачи обеих стран Принудительная репатриация заявителя в настоящем деле подтверждает наличие этой явно незаконной модели. При таких обстоятельствах заверениям таджикских властей о том, что с заявителем будут обращаться в соответствии с Конвенцией, не может придаваться существенное значение (пункт 132 постановления).

Европейскому Суду не было продемонстрировано, что обязательство Таджикистана гарантировать доступ к заявителю российского дипломатического персонала и сотрудников Генеральной прокуратуры России обеспечит эффективную защиту против пытки и жестокого обращения с практической точки зрения. Не представлены доводы о том, что вышеупомянутый персонал обладает необходимой независимостью и квалификацией для эффективного мониторинга соблюдения своих обязательств таджикскими властями. Также отсутствуют гарантии того,

что они смогут говорить с заявителем без свидетелей Кроме того, их потенциальное участие не подкреплялось практическим механизмом, который, например, устанавливал бы процедуру подачи жалоб заявителем или неограниченный доступ к пенитенциарным заведениям (пункт 133 постановления).

Российские власти не пытались разъяснить заверения в этих пунктах... и не ссылались на прецеденты, которые позволили бы Европейскому Суду установить, что при подобных обстоятельствах российским должностным лицам разрешено посещать заключенных в Таджикистане и что такие посещения эффективны с точки зрения рассмотрения жалоб. Слабость заверений в этих пунктах дополнительно подтверждается, по мнению Европейского Суда, отсутствием до настоящего времени информации о том, что уполномоченные российские должностные лица приняли меры для посещения заявителя после его передачи Таджикистану или иным образом удостоверились, что с ним обращаются в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции (пункт 134 постановления).

Европейский Суд не может согласиться с утверждением властей Российской Федерации о том, что гарантии, предоставленные таджикскими властями в отношении обращения с заявителем в Таджикистане, достаточны для исключения угрозы жестокого обращения с ним в этой стране... Следовательно, Европейский Суд полагает, что принудительное возвращение заявителя в Таджикистан подвергло его реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции (пункт 135 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 25404/09 *«Гафоров против Российской Федерации»* (вынесено 21 октября 2010 г., вступило в силу 11 апреля 2011 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отмечает, что доказательства из различных объективных источников описывают ситуацию в Таджикистане как вызывающую опасения. В частности, Комитет ООН против пыток... описыва[е]т практику применения пыток к лицам, которые содержатся под стражей в милиции, как «систематическую», «широко распространенную» и «регулярную» ... Комитет также отметил, что заключенные часто подвергаются незарегистрированному лишению свободы, они лишены доступа к юридической помощи и медицинской экспертизе после задержания и что часто используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток (пункт 130 постановления).

Обращаясь к личной ситуации заявителя, Европейский Суд отмечает, что он разыскивался властями Таджикистана в связи с предполагаемым активным участием в «Хизб ут-Тахрир», религиозной организации, которую Верховный [С]уд Таджикистана запретил по причине ведения ею экстремистской

детальности. Полный перечень обвинений против заявителя включал, помимо возбуждения религиозной розни и участия в преступной организации, призывы к свержению конституционного строя, что несомненно относится к категории преступлений против национальной безопасности (пункт 132 постановления).

Что касается довода заявителя о том, что он уже перенес жестокое обращение, находясь под контролем сотрудников таджикских правоохранительных органов, Европейский Суд отмечает, что он не представил определенных доказательств, таких, как, например, показания его родственников, в подтверждение своих доводов. Тем не менее он полагает, что описание событий заявителем является последовательным и подробным ... В этом отношении Европейский Суд находит странным, что постановление от 25 мая 2006 г., вынесенное властями Таджикистана, прямо предусматривало, что заявитель совершил побег с «дачного участка» МНБ, что, по мнению Европейского Суда, придает дополнительную убедительность его доводам, касающимся событий после его задержания в Таджикистане в 2006 году (пункт 135 постановления).

Принимая во внимание обстановку безнаказанности для сотрудников правоохранительных органов, применяющих пытки ..., и тот факт, что в случае выдачи заявитель, вероятно, будет содержаться в период судебного разбирательства в том же следственном изоляторе, Европейский Суд полагает, что его довод о наличии для него повышенной угрозы обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в качестве возмездия за побег из-под стражи не может считаться полностью беспочвенным. В этом отношении он принимает во внимание довод заявителя, согласно которому к его родственникам обращались сотрудники правоохранительных органов, угрожавшие им и заявителю репрессиями (пункт 136 постановления).

Европейский Суд также придает значение тому факту, что Управление ВКБ ООН⁸⁹, опросив заявителя и тщательно рассмотрев его дело, пришло к выводу, что не может вернуться в Таджикистан, поскольку является лицом, преследуемым по мотивам приписываемых ему политических убеждений, и что он имеет право на международную защиту на основании его мандата (пункт 137 постановления).

[П]оскольку власти страны руководствовались дипломатическими гарантиями со стороны Генеральной прокуратуры Таджикистана, Европейский Суд отмечает, что сами по себе они недостаточны, чтобы обеспечить адекватную защиту от угрозы жестокого обращения, если надежные источники сообщают о практиках, применяемых или допускаемых властями, которые явно противоречат принципам Конвенции (пункт 138 постановления).

⁸⁹ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 17185/05 *«Искандаров против Российской Федерации»* (вынесено 23 сентября 2010 г., вступило в силу 21 февраля 2011 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд... переходит к рассмотрению вопроса о том, давала ли личная ситуация заявителя основания предполагать, что он подвергнется серьезной угрозе жестокого обращения в Таджикистане. Он отмечает в этой связи, что заявитель был одним из возможных противников президента Рахмонова на президентских выборах. К моменту его перемещения с территории России уже были изданы доклады, касающиеся политического преследования и жестокого обращения с другим лидером оппозиции и критиком режима Шамсиддиновым... При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что дело заявителя имело конкретные отличительные черты, которые могли и должны были заставить российские власти предвидеть, что ему угрожало жестокое обращение в Таджикистане (пункт 131 постановления).

Невозможность установления того, действительно ли заявитель подвергался жестокому обращению после возвращения в Душанбе, как он утверждал в Европейском Суде и иных международных организациях, не влияет на выводы Европейского Суда (пункт 132 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 21055/09 *«Хайдаров против Российской Федерации»* (вынесено 20 мая 2010 г., вступило в силу 4 октября 2010 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отмечает..., что доказательства из различных объективных источников несомненно свидетельствуют о том, что общая ситуация с правами человека в Таджикистане вызывает серьезные опасения. Например, Комитет против пыток подчеркивал, что законодательство Таджикистана о запрещении пыток не полностью соответствует Конвенции против пыток, что само по себе может вызывать сомнения относительно уровня защиты, предоставляемой лицам, жалующимся на жестокое обращение. Комитет также подчеркивал, что заключенные часто подвергаются незарегистрированному содержанию под стражей без доступа к адвокату или медицинской помощи и что постоянно используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток (пункт 104 постановления).

Принимая во внимание, что власти Российской Федерации не смогли убедительно доказать, что ситуация с правами человека в Таджикистане радикально улучшилась по сравнению с ситуацией, описанной в вышеперечисленных докладах авторитетных организаций, Европейский Суд готов признать, что жестокое обращение с заключенными является постоянной проблемой в Таджикистане (пункт 105 постановления).

Заявитель утверждал, что угроза подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане усиливалась в связи с его узбекским происхождением. Европейский Суд отмечает в этой связи, что имелись сообщения о случаях дискриминации узбеков в Таджикистане Кроме того, заявитель обращал внимание российских властей на то, что обвинения против него касались событий, которые произошли в контексте гражданской войны (пункт 107 постановления).

Управление ВКБ ООН в Российской Федерации, изучив дело заявителя, заключило, что уголовные обвинения в бандитизме представляли собой замаскированное преследование «по причине политических взглядов, приписываемых заявителю, которого (власти Таджикистана) считают причастным к антиправительственной деятельности, поскольку он входил в группы ополченцев, подозреваемые в участии в вооруженном конфликте 1997 года» ... При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что личная ситуация заявителя, вполне вероятно, повысит угрозу причинения ему вреда в Таджикистане (пункт 108 постановления).

Ссылка властей Российской Федерации на тот факт, что заявитель не обратился за предоставлением политического убежища сразу после прибытия в Россию, не опровергает с необходимостью утверждения заявителя об угрозе жестокого обращения, поскольку защита, предоставляемая статьей 3 Конвенции, в любом случае шире защиты, в соответствии со статьями 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года Кроме того, следует отметить, что Управление ВКБ ООН в Российской Федерации признало, что, по его мнению, заявитель являлся «беженцем» в значении Конвенции 1951 года (пункт 109 постановления).

Европейский Суд полагает, что были продемонстрированы существенные основания, позволяющие заключить, что заявитель столкнется с реальной угрозой обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в случае его выдачи в Таджикистан (пункт 110 постановления).

Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации ссылались на гарантии Генеральной прокуратуры Таджикистана, согласно которым заявитель не будет подвергаться там жестокому обращению ... Однако Европейский Суд отмечает, что письма Генеральной прокуратуры Таджикистана от 10 апреля и 26 мая 2009 г., которые власти Российской Федерации характеризовали как дипломатические гарантии, не содержали каких-либо ссылок на защиту заявителя от обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Одно лишь утверждение о том, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию против пыток, не может рассматриваться как гарантия против угрозы подвергнуться пыткам, с которой заявитель мог столкнуться в Таджикистане. В любом случае, дипломатические гарантии сами по себе недостаточны, чтобы обеспечить адекватную защиту против угрозы жестокого обращения, если надежные источники сообщают о практиках, применяемых или допускаемых властями, которые явно противоречат принципам Конвенции (пункт 111 постановления).

[С]уды не предприняли попыток исследовать тот факт, что обвинения против заявителя касались событий, произошедших в контексте последствий гражданской войны, и что власти Таджикистана могли выдвинуть их с целью мести бывшим политическим противникам (пункт 113 постановления).

Дела, по которым установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 77658/11 «**Латинов против Российской Федерации**» (вынесено 12 декабря 2013 г., вступило в силу 12 марта 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель утверждал, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что «в случае выдачи в Республику Таджикистан он может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению. После исчезновения заявителя в октябре 2012 года его адвокат подала жалобу, сообщив также, что похищение заявителя в г. Волгограде было совершено с участием служб безопасности Российской Федерации. Что касается заявления организации «Международная амнистия», адвокат полагает, что, учитывая обстоятельства похищения, заявитель, возможно, находится в настоящее время в Республике Таджикистан, и есть основания полагать, что он может содержаться под стражей властями Республики Таджикистан без связи с внешним миром» (пункт 75 постановления).

Европейский Суд отметил, что «Федеральная миграционная служба, а затем суды Российской Федерации тщательно рассмотрели доводы заявителя, в том числе связанные с его личной ситуацией, и отклонили их как необоснованные (пункт 93 постановления).

С учетом представленных документов Европейский Суд отметил, что «внутригосударственные органы власти, в частности, Федеральная миграционная служба и суды двух инстанций проанализировали предоставленные заявителем сведения, а также доказательства, собранные властями по собственной инициативе..., и отклонили утверждения заявителя как необоснованные. Каждый вопрос обсуждался в ходе состязательного процесса, и на него был дан полный и надлежащий ответ. Ничто в материалах дела не заставляет предположить, что осуществленная внутригосударственными судами оценка риска жестокого обращения в Республике Таджикистан была бы поверхностной или ошибочной (пункт 94 постановления).

Европейский Суд установил, что «власти Российской Федерации уделили особое внимание гарантиям властей Республики Таджикистан

относительно того, что заявитель не будет подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, что его выдача не была обусловлена политическими, религиозными или национальными мотивами и что заявитель будет подвергнут уголовному преследованию только за преступления, указанные в запросе о выдаче (пункт 95 постановления).

Заявитель обвиня[лс]я в общеуголовных преступлениях: похищении, уничтожении имущества, краже. Решения властей Республики Таджикистан, в которых описываются обстоятельства преступлений и предъявленные заявителю обвинения, не являются на первый взгляд плохо обоснованными. Кроме того, нет оснований подвергать сомнению вывод внутригосударственных судов о том, что в отношении вменяемых заявителю в вину деяний не истекли сроки давности уголовного преследования ни согласно законодательству Российской Федерации, ни согласно законодательству Республики Таджикистан. Что касается утверждения о том, что указанные обвинения имели политические мотивы, Европейский Суд отме[тил] вместе с внутригосударственными органами власти, что каких-либо доказательств в поддержку этого утверждения представлено не было. Если организация «Международная амнистия» назвала заявителя политическим оппонентом, то заявитель всегда утверждал перед властями Российской Федерации, что он не являлся членом ни одного политического движения (пункт 99 постановления).

Заявитель не предоставил информации, которая «подтверждала бы его доводы, ни на внутригосударственном уровне, ни в Европейском Суде... он никогда не являлся участником какого-либо движения, политического или религиозного, принадлежность к которым могла бы подвергнуть его риску преследования или жестокого обращения (пункт 100 постановления).

Что касается риска для заявителя подвергнуться преследованию за то, что он являлся сторонником политического оппозиционера Х.А. Тураджонзода, Европейский Суд принял во внимание вывод Федеральной миграционной службы Российской Федерации, указавшей на противоречие между 2001 годом, когда было возбуждено уголовное дело против заявителя, и 2009 годом, когда было дано первое интервью указанным политическим деятелем, в котором он предположительно критиковал власти Республики Таджикистан. Кроме того, заявитель не «предоставил доказательств ни своего участия в партии указанного политического деятеля, ни оказанных заявителем ему услуг, объяснив в отношении последнего вопроса отсутствие подтверждающего статус заявителя документа тем, что в отличие от других телохранителей он не был нанят официально. Европейский Суд также отме[тил], что утверждение, согласно которому заявитель являлся жертвой покушений на него в Республике Таджикистан, не было подтверждено какими-либо существенными доказательствами (пункт 101 постановления).

Довод заявителя о том, что постановление о задержании было датировано неправильным числом, опровергается тем фактом, что

международное постановление о его задержании было вынесено в 2007 году, то есть задолго до интервью, на которое ссылался заявитель. Что касается довода о том, что на вменяемые заявителю в вину деяния якобы распространялся Закон от 14 мая 1999 г. об амнистии, Европейский Суд прин[я]л во внимание позицию внутригосударственных судов, в соответствии с которой деяния, перечисленные в запросе о выдаче, не попадали под действие амнистии. Эта позиция также подтверждается постановлением о возбуждении уголовного дела, вынесенным прокурором г. Душанбе 10 января 2011 г., согласно которому заявителю вменялись в вину деяния, совершенные в период с 1998 по 2001 год). Заявитель, в свою очередь, не опроверг данный вывод (пункт 102 постановления).

Заявитель не предоставил доказательств, «подтверждающих реальный характер личных рисков, которые может повлечь для него возвращение в Республику Таджикистан. ... [О]бщие сведения о сложном положении с правами человека в Республике Таджикистан не являются сами по себе достаточными, чтобы оправдать отказ в выдаче в указанную страну (пункт 104 постановления).

Заявитель также утверждал о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции в той степени, в которой его содержание под стражей до выдачи было незаконным.

Европейский Суд учел заявление Властей, согласно которому «освобождение заявителя, предписанное постановлением [суда], не было незамедлительным в силу «технической проблемы». Данное заявление, по мнению Суда, было равносильно явному признанию того, что содержание заявителя под стражей не имело под собой никакого законного основания по российскому праву» (пункт 140 постановления).

Суд заключил, что «...содержание заявителя под стражей для выдачи закончилось 4 мая 2012 года. Что касается основания содержания заявителя под стражей в спецприемнике, а именно судебного решения от 4 мая 2012 года, назначившего передачу заявителя в другое государство в административном порядке, то оно было отменено 21 августа 2012 года... Тогда как лишение свободы после указанной даты ни при каких обстоятельствах не было приемлемо в соответствии с положениями пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 141 постановления).

11.8. выдача в Туркменистан

Дела, по которым установлено нарушение права выдаваемого лица не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 46721/15 «*Алланазарова против Российской Федерации*» (вынесено 14 февраля 2017 г., вступило в силу 3 июля 2017 г.).

[Европейский] Суд выразил озабоченность общей обстановкой в области прав человека в Туркменистане. При этом Суд учитывал следующее: заслуживающую доверия информацию о применении пыток, жестокого обращения и неосторожном применении силы в отношении лиц, подвергшихся уголовному преследованию в Туркменистане; крайне плохие условия содержания заключенных; проявление дискриминации в отношении людей по признаку этнического происхождения и злоупотребления, допускаемые в отношении указанных лиц; сочетание ненадлежащих условий содержания и возможной продолжительности срока лишения свободы; систематический отказ властей Туркменистана от предоставления разрешения на осуществление международными и неправительственными наблюдателями любого мониторинга мест содержания под стражей. По результатам такого анализа Суд пришел к выводу о том, что все лица, находящиеся в местах содержания под стражей в Туркменистане в ходе производства по уголовному делу, столкнулись с реальным риском подвергнуться обращению, противоречащему требованиям статьи 3 Конвенции (пункт 73 постановления).

Суд обращает внимание на *определенный достигнутый прогресс в области сотрудничества властей Туркменистана с учреждениями Организации Объединенных Наций*. В частности, власти Туркменистана представили первоначальные доклады по Международному пакту о гражданских и политических правах и Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток... Из информации, представленной в Комитет по правам человека и Комитет против пыток, также следует, что власти Туркменистана внесли ряд законодательных и административных изменений в сфере борьбы с пытками и жестоким обращением, мониторинга и инспектирования мест содержания под стражей, а также предоставили МККК⁹⁰ возможность посетить два места содержания под стражей в 2011 и 2012 годах (пункт 74 постановления).

⁹⁰ Международный комитет Красного Креста.

Вместе с тем, принимая во внимание количество выявленных учреждениями ООН и неправительственными организациями недостатков, Суд *полагает, что указанные достижения не могут рассматриваться в качестве существенных изменений в области защиты прав человека и, в частности, в области защиты от риска подвергнуться пыткам или жестокому обращению для лиц, задержанных по подозрению в совершении уголовно-наказуемого деяния в Туркменистане*. Суд отмечает, что принятые в 2011 и 2012 годах заключительные замечания Комитета против пыток и Комитета по правам человека по докладам, представленным Туркменистаном, свидетельствуют о применении пыток и жестокого обращения, а также о ненадлежащих условиях содержания в тюрьмах Туркменистана. Как следует из указанных замечаний, в Туркменистане отсутствует какой-либо независимый и эффективный механизм получения жалоб о применении пыток, в частности, от заключенных и лиц, помещенных под стражу до вынесения приговора, равно как и механизм проведения беспристрастного и полного расследования по указанным жалобам...Принимая во внимание неоднократное установление нескольких нарушений (в 2012 году — организацией Amnesty International... в 2013 году — Помощником Генерального секретаря по правам человека... в 2014 году — докладчиком Комитета против пыток...и неправительственными организациями «Инициативная группа Туркменистана по правам человека» и «Международное партнерство по правам человека»)... Суд не может квалифицировать принятые Туркменистаном меры как эффективную реализацию рекомендаций, изложенных в заключительных замечаниях. В своих докладах за период с 2014 по 2016 год организации Amnesty International и Human Rights Watch отметили, что положение дел в области защиты прав человека в Туркменистане не изменилось и что страна оставалась закрытой для независимых международных наблюдателей (пункт 75 постановления).

Принимая во внимание данные факторы, Суд *полагает, что на дату рассмотрения настоящего дела ни один из аспектов...не утратил своей актуальности*.- В связи с этим Суд приходит к выводу о том, что *все лица, находящиеся в местах содержания под стражей в Туркменистане в ходе производства по уголовному делу, сталкиваются с реальным риском подвергнуться обращению, противоречащему требованиям статьи 3 Конвенции* (пункт 76 постановления).

Суд также отмечает, что властями Туркменистана принято решение о задержании заявителя...Они потребовали выдачи заявителя на основании пунктов 2 и 4 статьи 228 Уголовного кодекса Туркменистана, предусматривающих наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет...В связи с этим Суд приходит к выводу о том, что в случае экстрадиции заявителя она с высокой степенью вероятности будет задержана сразу же после прибытия в Туркменистан и столкнется с реальным риском подвергнуться жестокому обращению (пункт 77 постановления).

Суд отмечает, что доводы Властей относительно возможного противоречия между механизмом контроля соблюдения гарантий и принципом

государственного суверенитета не находит своего подтверждения в соответствующих примерах из международной или внутригосударственной судебной практики (пункт 79 постановления).

В постановлениях, касающихся выдворения лиц в Туркменистан, Суд пришел к выводу о ненадежности предоставленных Генеральной прокуратурой Туркменистана гарантий, *главным образом в связи с отсутствием механизмов контроля их практической реализации...* Применительно к обстоятельствам настоящего дела, Суд полагает, что Власти не предоставили доказательств наличия такого механизма или наличия у Прокуратуры Туркменистана полномочий для принятия от имени Туркменистана каких-либо юридически значимых обязательств, а равно доказательств соблюдения Туркменистаном аналогичных гарантий в прошлом (пункт 80 постановления).

Суд отмечает, что власти Туркменистана не проявляют явной готовности к сотрудничеству с международными механизмами контроля (в том числе с НПО, осуществляющими свою деятельность в области защиты прав человека). В частности, Комитет против пыток выразил сожаление по поводу отсутствия в докладе Туркменистана «достаточной статистической и фактической информации» о реализации Конвенции против пыток... В своих замечаниях по индивидуальным жалобам, направленных в Комитет по правам человека, власти Туркменистана не предоставили каких-либо доказательств, способных опровергнуть заявления о ненадлежащих условиях содержания и о жестоком обращении с заключенными.... [К] аналогичному выводу пришла и Рабочая группа по произвольным задержаниям... Туркменистан не ответил на направленные Специальным докладчиком ООН по вопросу о пытках, Рабочей группой по произвольным задержаниям и неправительственной организацией Amnesty International запросы о посещении данного государства... Суд также обращает внимание на то, что власти Туркменистана не проявляют явного стремления к сотрудничеству в области защиты прав человека и на двустороннем уровне: как следует из решения...городского суда...несмотря на неоднократные запросы со стороны Министерства иностранных дел Российской Федерации, они отказались предоставить информацию о судьбе задержанного в Туркменистане человека (пункт 81 постановления).

Суд полагает, что предоставленные Генеральной прокуратурой Туркменистана гарантии являются ненадежными и, следовательно, не позволяют устранить реальный риск жестокого обращения с заявителем в случае ее выдачи в Туркменистан (пункт 82 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 8320/04 *«Рябкин против Российской Федерации»* (вынесено 19 июня 2008 г., вступило в силу 19 сентября 2008 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отмечает, что приведенные... доказательства из ряда объективных источников свидетельствуют о том, что

крайне плохие условия заключения, жестокое обращение и пытки по-прежнему вызывают беспокойство наблюдателей за ситуацией в Туркменистане. Он также отмечает, что точные сведения о ситуации с правами человека в Туркменистане, особенно в местах лишения свободы, сложно получить и проверить, учитывая многочисленные ограничения, обусловленные политическим режимом, который описывается как «один из самых репрессивных и закрытых», и систематические отказы туркменских властей в разрешении на мониторинг мест лишения свободы международными или неправительственными наблюдателями. В связи с этим судьба самых заметных заключенных зачастую остается неизвестной даже их семьям (пункт 116 постановления).

Власти Российской Федерации ссылались на отклонение ходатайства заявителя о признании беженцем российскими миграционными властями и судами. Это было сделано в основном по следующим основаниям: заявителю было разрешено беспрепятственно и на законных основаниях покинуть Туркменистан; его семья продолжала благополучно проживать в Туркменистане; по прибытии в Россию заявитель не обратился немедленно за предоставлением убежища; и уголовное дело в Туркменистане было связано не с политическими или религиозными взглядами и этническим происхождением заявителя, а с его коммерческой деятельностью. Власти не нашли подтверждений тому, что заявитель подвергался преследованиям по национальным мотивам, и поэтому решили, что он не являлся беженцем в значении применимого законодательства. Европейский Суд не имеет оснований ставить под сомнение эти выводы. Однако он неоднократно устанавливал, что [с]татья 3 Конвенции предоставляет более широкую защиту, чем [с]татья 33 Конвенции 1951 года «О статусе беженцев», на которой основано применимое российское законодательство (пункт 118 постановления).

Европейский Суд отмечает ссылку властей Российской Федерации на гарантии генерального прокурора Туркменистана, согласно которым заявитель не будет подвергаться жестокому обращению в указанной стране. Однако Европейскому Суду не была предоставлена копия этого письма. В любом случае, даже если предположить, что такие гарантии были даны, Европейский Суд отмечает, что процитированные выше доклады свидетельствуют о том, что *власти Туркменистана систематически отказывали международным наблюдателям в доступе в страну, прежде всего в места лишения свободы*. При таких обстоятельствах Европейский Суд вынужден поставить под вопрос ценность гарантий, согласно которым заявитель не будет подвергнут пытке, учитывая очевидное отсутствие объективных средств наблюдения за их соблюдением. Европейский Суд также напоминает свои прецедентные нормы, согласно которым дипломатические гарантии как таковые недостаточны для обеспечения адекватной защиты против угрозы жестокого обращения, если достоверные источники сообщают о практике, применяемой или допускаемой

властями, которая явно противоречит принципам Конвенции (пункт 119 постановления).

Европейский Суд отмечает, что российские власти не рассматривали иным образом жалобы заявителя, затрагивающие [с]татью 3 Конвенции, поскольку разбирательство о предоставлении ему статуса беженца ограничивалось вопросом, мог ли он считаться жертвой преследований по одному из мотивов, предусмотренных применимыми положениями внутригосударственного и международного права. Власти Российской Федерации заявили, что у них отсутствовали причины исследовать условия заключения заявителя в Туркменистане, поскольку он не содержался там под стражей. Однако учитывая абсолютный характер запрета, предусмотренного [с]татьей 3 Конвенции, такая оценка должна проводиться до принятия решения о выдаче, охватывая все значимые обстоятельства с целью предотвращения жестокого обращения (пункт 120 постановления).

Основным обстоятельством, на которое заявитель ссылается в соответствии со [с]татьей 3 Конвенции, является угроза жестокого обращения при содержании под стражей в Туркменистане, усиленная его этническим происхождением. Европейский Суд отмечает, что в Туркменистане заявителю было предъявлено обвинение в совершении серьезного преступления (растраты), наказуемого продолжительным лишением свободы (на срок от 8 до 15 лет) ..., и что в 2001 году было принято постановление о его задержании. В случае выдачи в Туркменистан заявитель почти несомненно будет лишен свободы и подвергнется реальной угрозе провести годы в заключении. Учитывая вышеприведенные сведения об условиях содержания, отсутствии контактов с внешним миром в заключении и уязвимом положении меньшинств, Европейский Суд приходит к выводу о наличии достаточных оснований полагать, что он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного [с]татьей 3 Конвенции (пункт 121 постановления).

11.9. выдача в Республику Узбекистан

Дела, по которым установлено нарушение права выдаваемого лица не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 58923/14 «**Холмуродов против России**» (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.), которым установлено, что исполнение решения о депортации заявителя либо его иное принудительное перемещение в Республику Узбекистан (в порядке экстрадиции, депортации или иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Наряду с этим установлено нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от выявленных нарушений.

Заявитель жаловался на то, что отправка его в родную страну, Узбекистан, подвергла бы его обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, по причине обвинений в уголовных правонарушениях, вынесенных в его отношении в этом государстве.

Европейский Суд указал на то, что «...что лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране... [Т]акже, если лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе, он может не доказывать наличие дополнительных особых отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности» (пункт 64 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что «...заявитель обвиняется в Узбекистане, в числе прочего, в посягательстве на конституционный строй, изготовлении и разглашении материалов, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, а также в создании и управлении экстремистскими религиозными организациями, сепаратистскими, фундаменталистскими и другими запрещенными организациями и в участии в таких организациях... [Э]ти обвинения носят, без сомнения, политический и религиозный характер, что причисляет заявителя к группе особенно уязвимых лиц, подверженных риску жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...дипломатические заверения⁹¹ сами по себе не являются достаточными. *Необходимо, чтобы эти заверения предоставляли в своем практическом применении достаточную гарантию, что заявитель действительно будет защищен от риска применения жестокого обращения...* [З]аверения, данные органами власти Узбекистана, не предусматривали дипломатических или основанных на участии наблюдателей механизмов, которые позволяли бы обеспечить объективный контроль за их соблюдением» (пункт 66 постановления).

Суд подчеркнул, что «...одного только существования внутригосударственных норм и ратификации международных соглашений, гарантирующих уважение основных прав человека, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую защиту от риска жестокого обращения, поскольку, как в настоящем деле, достоверные источники подтверждают практику органов власти – или допускаемую ими – явно противоречащую принципам Конвенции» (пункт 67 постановления).

⁹¹ Дипломатические заверения, в соответствии с которыми заявитель не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в своей родной стране.

Европейский Суд пришел к выводу, что «...высылка заявителя в Узбекистан подвергла бы его реальному риску жестокого обращения, противоречащему статье 3 Конвенции» (пункт 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы, касающиеся риска ненадлежащего обращения, которому он подвергся бы в случае возвращения в Узбекистан, не были надлежащим образом рассмотрены государственными органами, что, по его словам, нарушало статью 13 Конвенции.

Суд отметил, что «...суды не рассмотрели доводы заявителя, касающиеся риска жестокого обращения, ограничившись обоснованием применения депортации соображениями охраны общественного порядка... [Р]ешение [Управления федеральной миграционной службы России], которым заявителю было предоставлено временное убежище, не содержало ни анализа его личного положения, ни оценки риска, которому он мог быть подвергнут в случае перемещения в Узбекистан, и что оно ограничивалось упоминанием обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента... [Н]и первая, ни вторая из этих процедур не предоставила заявителю внимательного контроля и тщательного рассмотрения, которых требует статья 13, в том, что касается его заявления, в соответствии с которым он подвергался риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 77 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...[заявитель] не имел эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13, чтобы отстаивать свою жалобу по статье 3 Конвенции» (пункт 78 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, что его содержание под стражей не является правомерным.

Суд отметил, что «...[прокурор] вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу на два месяца, основываясь на части 2 статьи 466 УПК [РФ]... [П]остановление № 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г.⁹² действовало во время событий, внутригосударственные суды... явно ссылались на пункт 21 данного постановления, поскольку они подтвердили решение прокурора» (пункт 88 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет, что, поскольку запрос об экстрадиции сопровождается распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом, прокурор может, в применение части 2 статьи 466 УПК, вынести решение о помещении этого лица под стражу на срок, не превышающий двух месяцев с момента, когда это лицо было задержано (пункт 89 постановления).

⁹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

Суд указал на то, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет также, что в отсутствие запроса об экстрадиции, распоряжение о помещении под стражу может быть вынесено только российским судом, и что даже после получения запроса об экстрадиции оно может быть продлено только российским судом. Прочтенные совместно пункты 19 и 21 постановления, по-видимому, указывают на то, что толкование, вытекающее из применимого права, заключается в том, что в контексте процедуры экстрадиции прокурор может выносить решение только о первоначальном помещении под стражу и только после получения запроса об экстрадиции – сопровождаемого распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом; если это последнее условие не выполнено, первоначальное решение о помещении под стражу может быть принято только российским судом, который, кроме того, во всех ситуациях является единственным компетентным судом в вопросе продления такой меры...[В] настоящем деле часть 2 статьи 466 УПК не применялась национальными судами в соответствии с этим порядком» (пункт 90 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... не уточняет, как разграничить часть 2 статьи 466 УПК – которая позволяет прокурору вынести постановление о помещении под стражу в целях экстрадиции – и часть 4 статьи 108 этого же кодекса, которая предусматривает, что только российский суд может вынести постановление о применении меры, связанной с лишением свободы» (пункт 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...лишение свободы, которому подвергся заявитель... не являлось правомерным в смысле пункта 1 статьи 5 Конвенции, в связи с отсутствием правовой основы, которая имела бы требуемые в целях соответствия общему принципу правовой безопасности качества» (пункт 92 постановления).

Заявитель также жаловался, наконец, на то, что он был лишен процедурных гарантий в ходе принятия решения о его депортации, по его мнению, в нарушение статьи 1 Протокола № 7 Конвенции⁹³.

⁹³ В силу указанного конвенционного положения «1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность:

- а) представить аргументы против его высылки,
- б) требовать пересмотра своего дела, и
- с) для этих целей быть представленным перед компетентным органом или перед одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления его прав, перечисленных в подпунктах «а», «б» и «с» пункта 1 настоящей статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности».

Суд подчеркнул, что «...статья 1 протокола №7 к Конвенции относится явным образом к иностранным гражданам, «на законных основаниях проживающим на территории какого-либо государства»... [Н]ичто в материалах дела не свидетельствует о том, что заявитель правомерно въехал на российскую территорию, чтобы остаться, и что он имел «законно обоснованное ожидание» получить разрешение на пребывание... [И]з материалов дела не следует, что он...имел разрешение на временное пребывание... [З]аявитель имел поддельный паспорт в момент, когда он был задержан российскими органами власти, и...этот факт, в числе прочих, послужил основанием для его последующего осуждения по уголовному делу... [Т]от факт, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации на момент принятия постановления о выдворении в его отношении, не делал пребывание заявителя «правомерным» в смысле статьи 1 Протокола № 7 Конвенции» (пункт 97 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...данная жалоба несовместима ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, с положениями Конвенции в значении пункта 3 статьи 35 и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35» (пункт 98 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 68900/13, «*Эшонкулов против Российской Федерации*» (вынесено 15 января 2015 г., вступило в силу 1 июня 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Суд отмечает, что более десятилетия органы Организации Объединенных Наций и международные неправительственные организации представляли тревожные доклады о ситуации в системе уголовного правосудия Узбекистана, использовании пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, плохих условиях в следственных изоляторах, систематическом преследовании политической оппозиции и грубом отношении к определенным религиозным группам (пункт 33 постановления).

Суд ранее сталкивался с множеством случаев насильственного возвращения из России в Узбекистан лиц, обвиненных органами власти Узбекистана в осуществлении уголовной, религиозной и политической деятельности.... *Постоянная позиция Суда состоит в том, что лица, чьей выдачи требовали узбекские власти в связи с предъявленными им обвинениями в совершении преступлений религиозного или политического характера, входят в уязвимую группу, подвергающуюся, в случае их выдачи в Узбекистан, реальному риску подвергнуться обращению, противоречащему [с]татье 3 Конвенции (пункт 34 постановления).*

[З]аявитель постоянно и определенно возражал – в ходе судебных разбирательств по вопросу о выдаче, административном выдворении и получении статуса беженца – что он подвергался преследованию за

религиозный экстремизм и членство в вышеупомянутой уязвимой группе. То же самое следовало из документов по выдаче, предоставленных запрашивающим органом власти Узбекистана. В постановлениях о международном розыске и задержании, а также в запросе о выдаче, представленных узбекскими властями, совершенно четко указывались основания для его выдачи, а именно, что заявитель разыскивался по уголовным обвинениям в религиозном и политическом экстремизме. Эти утверждения касательно его преступного поведения и характера совершенных им деяний оставались неизменными в течение всего судопроизводства, проводимого в Российской Федерации (пункт 35 постановления).

Один этот факт, рассматриваемый в контексте международных докладов о систематическом жестоком обращении с лицами, обвиненными в совершении преступлений по религиозным и политическим мотивам, был достаточным для того, чтобы отнести заявителя к группе лиц, подвергающихся серьезному риску подвергнуться жестокому обращению в случае их высылки в Узбекистан (пункт 36 постановления).

[Н]есмотря на то, что заявитель выдвинул обоснованное заявление о риске жестокого обращения с ним со стороны узбекских правоохранительных органов, 22 октября 2013 года, Генеральная прокуратура Российской Федерации разрешила его выдачу в Узбекистан без рассмотрения существующих для заявителя рисков, и просто сослалась на отсутствие «препятствий» для высылки ... Властями не было представлено никакого доказательства того, что Генеральная прокуратура попыталась оценить риски экстрадиции заявителя в страну, где, согласно авторитетным международным источникам, систематически применялись пытки и права на защиту обычно игнорировались. Кроме того, Генеральная прокуратура безоговорочно положила на заверения, предоставленные узбекскими властями, что было несовместимо с принятой позицией Суда о том, что сами по себе такие заверения не являются достаточными, и что национальные органы власти должны с осторожностью относиться к таким заверениям в отношении пыток, данным государством, где пытки являются распространенным или непрекращающимся явлением ... Соответственно, Суд считает невозможным прийти к выводу о том, что утверждения заявителя о возможном жестоком обращении со стороны узбекских властей были должным образом рассмотрены органами прокуратуры (пункт 39 постановления).

Суд считает, что внутригосударственные суды... не оценили на должном уровне жалобы заявителя согласно [с]татья 3 Конвенции... [Суды] отказались рассматривать в ходе судебных разбирательств по вопросу об экстрадиции обширный перечень ссылок на прецедентную практику Суда, доклады органов ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане и по-видимому, придали решающее значение гарантиям узбекских органов власти, принимая их как должное, без анализа контекста, в котором они были предоставлены. Суду трудно соотнести авторитетные указания, которые были даны Верховным Судом [Российской Федерации] нижестоящим судам в его

постановлении № 11 от 14 июня 2012 года, в котором было изложено требование о тщательном и всеобъемлющем рассмотрении заявлений о жестоком обращении, и ограниченное рассмотрение осуществленное им в настоящем деле. В этом отношении необходимо напомнить, что даже если национальные суды посчитали аргументы заявителя неубедительными в значительной степени, им следовало отклонить их только после тщательного анализа. Материалы, имеющиеся в распоряжении Суда, не дают ему основания полагать, что городской или Верховный Суд [Российской Федерации], которому были предоставлены подтверждения существования реального риска жестокого обращения, в полной мере подкрепленные различными международными источниками, рассмотрел это утверждение с должным вниманием (пункт 40 постановления).

Что касается личной ситуации заявителя, Суд отмечает, что он был объявлен в розыск узбекскими властями в связи с обвинениями в предположительном участии в мусульманской экстремистской организации. Указанные обвинения составляли основания для запроса о выдаче и ордера на арест, выданных в отношении заявителя. Таким образом, его ситуация является аналогичной ситуации тех мусульман, которые распространяли свои религиозные убеждения за пределами официальных институтов и официальных рекомендаций, вследствие чего были обвинены в религиозном экстремизме и принадлежности к запрещенным религиозным организациям, и по этой причине, о чем говорится в вышеуказанных докладах и постановлениях Суда, подвергались повышенной опасности жестокого обращения (пункт 46 постановления)⁹⁴.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №20999/14 *«Мухитдинов против Российской Федерации»* (вынесено 21 мая 2015 г., вступило в силу 19 октября 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что национальные власти не рассмотрели его заявления о риске жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан, и что в случае такой экстрадиции он будет подвержен такому риску.

Суд установил, что заявитель «...был объявлен в розыск узбекскими властями в связи с обвинениями в предполагаемом участии в мусульманской экстремистской организации. Эти обвинения стали основанием для запроса об экстрадиции и постановления об аресте, выданного в отношении заявителя» (пункт 53 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...несмотря на то, что заявитель выдвинул обоснованное заявление о риске жестокого обращения с ним со

⁹⁴ См. также постановления Европейского Суда по жалобам № 66373/13 *«Халиков против России»*, №14743/11 *«Абдулхаков против России»*, №49747/11 *«Махмуджан Эргашев»*.

стороны узбекских правоохранительных органов...Генеральная прокуратура Российской Федерации разрешила его экстрадицию в Узбекистан без рассмотрения существующих для заявителя рисков и просто сослалась на отсутствие «препятствий» для высылки» (пункт 49 постановления).

Суд заключил, что «...внутригосударственные суды... не оценили на должном уровне жалобы заявителя согласно статье 3 Конвенции...[Суды] отказали в рассмотрении, в ходе судебных разбирательств по вопросу об экстрадиции, широкого ряда ссылок на прецедентную практику Суда, доклады органов ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане и, по-видимому, придали решающее значение заверениям узбекских органов власти, принимая их как должное, без анализа контекста, в котором они были предоставлены, или осуществляя их подробную оценку в соответствии с требованиями Конвенции» (пункт 50 постановления).

Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей привело к нарушению подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции, а также на тот факт, что он не мог добиться судебного пересмотра содержания под стражей в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Суд отметил, что «...экстрадиция заявителя была разрешена в отношении преступлений, которые классифицируются в качестве преступлений средней тяжести в соответствии с российским законодательством. В таких обстоятельствах максимальный период содержания под стражей установлен законом в качестве шести месяцев, и в случае заявителя он истек 30 декабря 2013 года. Его содержание под стражей после указанной даты перестало являться законным в соответствии с внутригосударственным законодательством...[С]ледовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 84-85 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...[о]бластной суд в первую очередь рассмотрел жалобу заявителя по существу и вынес распоряжение о его освобождении только.. через семьдесят дней после того, как его содержание под стражей перестало являться законным. Из этого следует, что рамки судебного пересмотра являлись явно ненадлежащими и что соответствующие судебные разбирательства не являлись «безотлагательными» согласно значению пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 97 постановления).

Кроме того, представители заявителя утверждали, что его исчезновение и возможное незаконное выдворение из России, непринятие российскими властями необходимых защитных мер, и отсутствие эффективного расследования по данному вопросу привели к нарушению обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Вместе с тем Европейский Суд отметил, что «...уголовное расследование возможного похищения заявителя было начато незамедлительно... возбуждение уголовного дела является наилучшей, если не единственной, процедурой в российской системе уголовного права, способной соблюсти требования Конвенции к эффективному расследованию» (пункт 66 постановления).

Суд установил, что «...исчезновение заявителя приводит к возникновению опасного положения, в котором он лишен защиты, предоставляемой механизмом Конвенции, и лишен возможности участия в разбирательствах в Суде, и ставит под вопрос исполнение постановления, если оно вступит в силу... Следовательно,... Россия проигнорировала обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, в нарушение обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции» (пункты 95-96 постановления).

практика Комитета ООН против пыток

Сообщение: *X. против Российской Федерации*. Сообщение № 542/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: выдача заявителя в Узбекистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что узбекские власти направили запрос об экстрадиции спустя 10 лет после того, как приговор в отношении заявителя стал окончательным и обязательным к исполнению, причем в течение этого периода заявитель свободно проживал в Узбекистане, получил справку об отсутствии судимости, паспорт и выездную визу и совершил ряд беспрепятственных поездок в Российскую Федерацию. Он отмечает... что согласно имеющимся фактам запрос на экстрадицию был направлен непосредственно после того, как заявитель подал жалобу в Комитет по поводу экстрадиции его брата в Узбекистан, что в свете существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в этой стране дает достаточные основания полагать, что после его экстрадиции заявителю угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток. Комитет считает, что в этих обстоятельствах государственные органы и суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проверить все утверждения заявителя и оценить на основании национальных и международных норм потенциальную опасность применения пыток к заявителю. На основании имеющихся в деле материалов нельзя сделать вывод о том, что государственные органы, включая суды, провели надлежащую работу, чтобы отреагировать на выраженную заявителем обеспокоенность, связанную с запросом на экстрадицию с истекшим сроком давности, и дать оценку его личным обстоятельствам в контексте общей ситуации с правами человека в Узбекистане. В свете сказанного выше Комитет считает, что государственные органы государства-участника не выполнили свое обязательство надлежащим образом рассмотреть утверждение заявителя о том, что ему угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток после возвращения в Узбекистан (пункт 11.8 Решения).

Выводы Комитета: с учетом обстоятельств данного дела решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан является нарушением государством-

участником своих обязательств в соответствии со ст. 3 Конвенции (пункт 11.8 Решения).

Сообщение: *Хайрулло Турсунов против Казахстана*. Сообщение № 538/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка заявителя в Узбекистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение адвоката о том, что пытки и жестокое обращение, особенно в отношении экстрадированных просителей убежища, по всей видимости, применяются в Узбекистане систематически. Он отмечает далее подробно изложенные утверждения о том, что в прошлом, до отъезда в Казахстан, заявитель подвергался преследованиям по религиозным мотивам и жестокому обращению со стороны узбекских властей. Он ... принимает к сведению тот аргумент защитника, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по итогам которого было принято решение о высылке заявителя, не являлось справедливым, поскольку заявителю не были обеспечены услуги переводчика; что суды не рассмотрели по существу утверждений заявителя о том, что в случае экстрадиции ему грозят пытки, и не рассмотрели в порядке судебного надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища. Он далее отмечает утверждения государства-участника, будто заявитель и его адвокат были поставлены в известность о праве просить об услугах переводчика, но не сделали это; что УВКБ⁹⁵, поначалу не согласившись с решением по итогам рассмотрения ходатайства, позднее оставило за государством-участником право принять решение по вопросу об экстрадиции заявителя. Помимо этого, государство-участник выразило то мнение, что процедура экстрадиции соответствовала и внутренним, и международным нормам, и что суды, рассматривавшие апелляционные жалобы заявителя по поводу решения об экстрадиции, не правомочны рассматривать в порядке надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства об убежище. Комитет надлежащим образом принимает во внимание заявление государства-участника о полученных от узбекских властей заверениях в том, что заявитель не будет подвергнут преследованиям по политическим мотивам или по соображениям расы, вероисповедания, гражданства или политических взглядов; что он не будет подвергнут пыткам, насилию либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он ... отмечает представленную адвокатом информацию о том, что после экстрадиции в Узбекистан заявитель был приговорен там к 16 годам тюремного заключения, при том что в ходе уголовного следствия он, предположительно, подвергался давлению и жестокому обращению, что стало причиной вынужденного признания заявителем вины за преступления и его молчания в ходе судебных слушаний.

⁹⁵ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

И наконец, Комитет отмечает тот аргумент государства-участника, что существо уголовного дела согласуется с обвинениями против заявителя, указанными в запросе об экстрадиции, и что вынесенный приговор не ставил целью подвергнуть его репрессиям или пыткам (пункт 9.5 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель, по имеющимся сообщениям, исповедует свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Он... отмечает, что заявитель был экстрадирован по запросу Узбекистана, в котором содержались обвинения в тяжких преступлениях, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что он может представлять угрозу его интересам и безопасности. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях по второму периодическому докладу Казахстана обеспокоенность в связи с принудительным возвращением людей в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, а также в связи с отсутствием информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении (см. CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15). Он ... отмечает, что принцип невысылки, закрепленный в статье 3 Конвенции, носит абсолютный характер и что возможная угроза безопасности не освобождает государство-участник от лежащей на нем обязанности не высылать или возвращать («*refouler*») лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток⁹⁶ (пункт 9.7 Решения).

С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как исходя из его собственных заключительных замечаний, так и в свете представленной ему в данном случае информации существование в Узбекистане практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и серьезной угрозы применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения, в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов, является в достаточной мере доказанным. В этой связи он отмечает утверждения заявителя о том, что до отъезда в Казахстан он был объектом преследований по религиозным мотивам, включая помещение под стражу и пытки (пункт 9.8 Решения).

В данном случае Комитет отмечает, что заявитель, который ранее подвергался преследованиям в Узбекистане по причине своих религиозных убеждений и был обвинен в создании в стране экстремистской организации и терроризме и экстрадирован государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировал наличие для него предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по

⁹⁶ См., *mutatis mutandis*, сообщения № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*; № 39/1996, *Паес против Швеции*, Соображения, принятые 28 апреля 1997 года; № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*, Соображения, принятые 10 ноября 1998 года, пункт 5.6; и № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, решение, принятое 16 ноября 2007 года.

возвращении в Узбекистан. В этих условиях суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проанализировать вероятность применения пыток в отношении заявителя, руководствуясь положениями как национального законодательства (пункт 5 статьи 532 Уголовно-процессуального кодекса), так и международными нормами (например, статья 3 Конвенции). Поэтому Комитет приходит к заключению о том, что власти государства-участника не выполнили своего долга провести индивидуальную оценку риска перед возвращением заявителя в Узбекистан (пункт 9.9 Решения).

Касаясь дипломатических заверений, полученных государством - участником от узбекских властей в качестве достаточной защиты от этой явной угрозы, Комитет напоминает, что такие заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа невысылки. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, ведет ли оно мониторинг в той или иной форме в период после выдворения и предпринимает ли оно какие-либо меры, призванные обеспечить объективность, беспристрастность и достаточную убедительность этого мониторинга (пункт 9.10 Решения).

Выводы Комитета: экстрадиция государством-участником заявителя в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции⁹⁷ (пункт 9.9 Решения).

Сообщение: *Мумин Насиров против Казахстана.* Сообщение № 475/2011. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 14 мая 2014 года.

Тема сообщения: угроза выдачи брата заявителя в Узбекистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет ссылается на свои заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Узбекистана, в которых он выразил обеспокоенность в связи с поступающими многочисленными и согласующимися друг с другом утверждениями о том, что пытки и жестокое обращение постоянно используются сотрудниками правоохранительных и следственных органов или по их подстрекательству или с их согласия, а также о том, что лишённые свободы лица подвергаются пыткам или жестокому обращению с целью принуждения их к даче признательных показаний и что такие показания впоследствии принимаются судами в качестве доказательств без проведения тщательного расследования утверждений о применении пыток (CAT/C/UZB/CO/4, пункты 7 и 16) (пункт 11.5 Решения).

Комитет отмечает, что с запросом о выдаче брата заявителя обратились власти Узбекистана, обвиняющие его в совершении тяжких преступлений, включая терроризм, религиозный экстремизм, посягательства на конституционный строй и, в частности, участие в андижанских событиях. Комитет повторно заявляет о своей обеспокоенности,

⁹⁷ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

которую он выразил в своих заключительных замечаниях по итогам рассмотрения второго периодического доклада Казахстана, по поводу утверждений о принудительном возвращении в Узбекистан во имя борьбы с терроризмом и в связи с отсутствием информации об условиях возвращенных лиц, обращении с ними и их местонахождении после их передачи (CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15). Он ... *напоминает о том, что содержащийся в статье 3 Конвенции принцип недопустимости возвращения является абсолютным и что борьба с терроризмом не освобождает государство-участник от соблюдения своего обязательства воздерживаться от высылки или возвращения («refouler») лиц в другие государства, в которых имеются серьезные основания полагать, что им будет угрожать опасность применения пыток*⁹⁸. В этом контексте Комитет также указывает, что предусмотренный в статье 3 Конвенции⁹⁹ принцип недопустимости принудительного возвращения является абсолютным даже в том случае, если по результатам оценки в соответствии с Конвенцией 1951 года о статусе беженцев лицо исключается из категории беженцев согласно пункту F c) статьи 1 названной Конвенции¹⁰⁰ (пункт 11.6 Решения).

Комитет считает, что информация, которой он располагает, достаточно убедительно подтверждает существование практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и значительного риска применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения в Узбекистане, в частности к лицам, обвиняемым в терроризме и в участии в андижанских событиях (пункт 11.7 Решения).

Комитет отмечает, что вопрос о том, угрожает ли брату заявителя применение пыток по возвращении в Узбекистан, был рассмотрен лишь Западно-Казахстанским областным судом в его решении от 7 мая 2012 года. Суд попросту отверг обвинения брата автора сообщения, заявив, что нет «конкретных доказательств или оснований», подтверждающих, что брат заявителя будет подвергнут пыткам, и не оценив или даже не приняв к сведению представленные доказательства существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в Узбекистане и многочисленные сообщения о том, что лица, обвиняемые в терроризме и участии в андижанских событиях, регулярно подвергаются пыткам (пункт 11.8 Решения).

Комитет приходит к выводу о том, что брат заявителя, который обвиняется в терроризме, нарушении конституционного строя Узбекистана, незаконном создании религиозной организации, изготовлении и

⁹⁸ См.: сообщения № 39/1996, *Паес против Швеции*. Соображения, принятые 28 апреля 1997 года; № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*. Соображения, принятые Комитетом по правам человека 10 ноября 1998 года, пункт 5.6; и № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, Решение, принятое 16 ноября 2007 года.

⁹⁹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

¹⁰⁰ См.: сообщение № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*, Решение, принятое 1 июня 2012 года, пункт 13.7.

распространении материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку, создании религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организаций и участия в них в связи с его предполагаемым участием в организации андижанских событий, достаточно убедительно доказал наличие предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по возвращении в Узбекистан (пункт 11.9 Решения).

Выводы Комитета: выдача брата заявителя Узбекистану будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12 Решения).

Сообщение: *Тоиржон Абдусаматов против Казахстана*. Сообщение № 413/2010. Решение Комитета против пыток (далее – Комитет) от 1 июня 2012 года.

Тема сообщения: выдача заявителя в Узбекистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению доводы адвоката о том, что заявители и другие лица, возвращенные в Узбекистан в соответствии с запросами об экстрадиции, содержались под стражей без связи с внешним миром и, следовательно, подвергались угрозе пыток или жестокого обращения. Он также принимает к сведению заявление адвоката о том, что в Узбекистане на систематической основе применяются пытки и жестокое обращение и что мусульмане, отказывающиеся исповедовать свою веру под контролем государства, а также лица, обвиняемые в религиозном экстремизме и посягательстве на свержение конституционного строя, в первую очередь сталкиваются с такой угрозой. Комитет также отмечает, что государство-участник отклонило ходатайство заявителей о предоставлении убежища или восстановлении аннулированного статуса беженцев¹⁰¹ на том основании, что они представляют угрозу для государства-участника и могут нанести серьезный ущерб его безопасности и безопасности других стран. Он также принимает к сведению довод адвоката о том, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по результатам которого заявители были экстрадированы, было несправедливым, поскольку заявителям не были предоставлены услуги переводчика, доступ заявителей к адвокатам был ограничен, а адвокатам было отказано в доступе к материалам дела. Комитет далее принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что за судопроизводством осуществляли надзор представители УВКБ¹⁰² и Бюро по правам человека государства-участника, не получившие никаких жалоб, и что заявителям гарантировалась правовая помощь и услуги переводчика. Что касается утверждения заявителей о том, что в Узбекистане им угрожает применение пыток, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что Узбекистан является

¹⁰¹ У 12 заявителей вплоть до августа 2010 года был предоставляемый УВКБ статус беженцев.

¹⁰² Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток и что Узбекистаном были представлены дипломатические заверения в том, что заявители не будут подвергнуты пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он также отмечает, что, согласно государству-участнику, Узбекистан заверил его в том, что международные организации могут осуществлять мониторинг в местах содержания под стражей. Комитет отмечает, что адвокат опроверг это утверждение, указав, что правила МККК¹⁰³ исключают возможность предоставления властям государства-участника какой-либо информации и что другим упомянутым организациям не был предоставлен доступ в места содержания под стражей. Комитет далее принимает к сведению заявление адвоката о том, что УВКБ выступило против экстрадиции четырех из 29 заявителей и что адвокату не был предоставлен доступ к информации о позиции УВКБ по остальным делам (пункт 13.5 Решения).

Что касается существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, то Комитет ссылается на свои заключительные замечания по третьему периодическому докладу Узбекистана,¹⁰⁴ в которых он выразил свою озабоченность в связи с многочисленными, непрекращающимися и согласующимися друг с другом сообщениями о систематическом применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания со стороны сотрудников правоохранительных и следственных органов или при их подстрекательстве или с их ведома, а также в связи с тем, что лица, пытавшиеся найти убежище за границей и возвращенные в страну, содержатся в заключении в неизвестных местах и, возможно, подвергаются актам, представляющим собой нарушение Конвенции (пункт 13.6 Решения).

Комитет отмечает, что все 29 заявителей являются мусульманами, которые, согласно сообщениям, исповедуют свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов или принадлежат к религиозным экстремистским организациям. Он также отмечает, что заявители были экстрадированы в ответ на запрос Узбекистана, в котором они обвинялись в совершении тяжких преступлений, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что они представляют угрозу для безопасности его граждан и граждан других стран. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях обеспокоенность в связи с принудительным возвращением лиц в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, без какой-либо информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении¹⁰⁵ (пункт 13.7 Решения).

¹⁰³ Международный комитет Красного Креста.

¹⁰⁴ CAT/C/UZB/CO/3.

¹⁰⁵ CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15.

С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как в его собственных заключительных замечаниях, так и в представленных ему материалах были приведены достаточные доказательства того, что в Узбекистане существует практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и значительная угроза применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Кроме того, он отмечает, что, согласно утверждениям заявителей, они подверглись религиозным преследованиям, включая в некоторых случаях задержание и пытки, до того, как бежали в Казахстан (пункт 13.8 Решения).

В рамках настоящего дела Комитет отмечает, что государство-участник не представило доказательств в письменной или устной форме, опровергающих утверждения заявителей о том, что производство по вопросам экстрадиции не отвечало минимальным требованиям справедливого судебного разбирательства (например, достаточное время для подготовки к защите, ограниченный доступ к адвокатам и услугам переводчиков), и что им не была проведена индивидуальная оценка личной опасности для каждого заявителя подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет отмечает, что, хотя суд первой инстанции (Комитету были представлены некоторые решения) ссылается как на внутреннее законодательство, так и на Конвенцию 1951 года о статусе беженцев, им не была проведена индивидуальная оценка опасности в соответствии со статьей 3 Конвенции и принципом недопустимости принудительного возвращения, закрепленным во внутреннем законодательстве. Помимо этого, государство-участник отказалось соблюдать временные меры, запрошенные Комитетом. Государство-участник также не рассмотрело приведенные заявителями доводы о несправедливом судебном разбирательстве и угрожающей им лично опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не рассмотрело должным образом утверждения заявителей о том, что им угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В контексте настоящего дела и принимая к сведению письменные и устные заявления сторон, Комитет приходит к выводу, что заявители, каждому из которых были предъявлены обвинения в религиозном экстремизме или принадлежности к экстремистской или террористической группе в Узбекистане и которые были экстрадированы государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировали наличие для них предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В силу этого Комитет заключает, что с учетом обстоятельств данного дела допущенная государством-участником экстрадиция заявителей в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 13.9 Решения).

Кроме того, государство-участник сослалось на получение дипломатических заверений в качестве достаточной гарантии защиты от такой

явной опасности. Комитет напоминает, что дипломатические заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа недопустимости принудительного возвращения. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, осуществляет ли оно мониторинг в какой-либо форме и предпринимало ли оно какие-либо меры для обеспечения того, чтобы мониторинг носил объективный, беспристрастный и достаточно достоверный характер (пункт 13.10 Решения).

Выводы Комитета имеющиеся в... распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3 и 22 Конвенции (пункт 14 Решения).

Дела, по которым установлено отсутствие нарушения¹⁰⁶ права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Решение Европейского Суда по жалобе № 40755/16 «**Б.Т. против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 11 января 2018 г.), которым жалоба заявителя на его экстрадицию в Узбекистан признана необоснованной, объявлена неприемлемой и отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

Заявитель жаловался на свою возможную выдачу в Узбекистан, ссылаясь на статью 3 Конвенции.

Европейский Суд подчеркнул, что «...ссылки на общую проблему с соблюдением прав человека в конкретной стране обычно недостаточно для запрета выдачи» (пункт 26 решения).

Суд уточнил, что по ранее вынесенным делам, связанным с экстрадицией или депортацией в Узбекистан «...заявители...в основном обвинялись в уголовных преступлениях по политическим и (или) религиозным мотивам...[Л]ица, чьей экстрадиции требовали Власти Узбекистана в связи с предъявленными им обвинениями в совершении преступлений религиозного или политического характера, входят в уязвимую группу лиц, которые в случае выдворения в Узбекистан действительно могут быть подвергнуты обращению, противоречащему статье 3» (пункт 27 решения).

В настоящем деле Европейский Суд указал на то, что «...заявитель в своих утверждениях на внутригосударственном уровне и в Европейском Суде ссылался на прецедентную практику и международные доклады, касающиеся преследования политической и религиозной оппозиции в Узбекистане. Однако, как было надлежащим образом отмечено Верховным Судом Российской Федерации, ничто не указывает на то, что он принадлежал к

¹⁰⁶ В том числе жалоба была признана неприемлемой.

любой такой группе в своей родной стране или что он бежал из-за преследования по таким основаниям. Такое заявление не было сделано на внутригосударственном уровне, и такое заявление не было сделано в Европейском Суде. Заявителю предъявлено обвинение в преступлении, связанном с наркотиками, которое не является политически или религиозно мотивированным. Поэтому предполагается, что заявитель не относится к вышеуказанной уязвимой группе, члены которой подвергаются реальной опасности подвергнуться жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции в случае их выдачи в Узбекистан» (пункт 28 решения).

Европейский Суд отметил, что «...помимо общей ссылки на жестокое обращение в свете общей практики в системе уголовного правосудия Узбекистана, заявитель как на внутригосударственном уровне, так и в своих замечаниях в Суде не смог представить сведения об...индивидуальны[х] обстоятельствах, а также обосновать свои опасения по поводу жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан. Он не ссылаясь на личный опыт жестокого обращения со стороны узбекских правоохранительных органов и не утверждал, что члены его семьи были политически или религиозно активны или подвергались преследованиям» (пункт 29 решения).

Европейский Суд был удовлетворен тем, что «...Верховный Суд Российской Федерации должным образом рассмотрел доводы заявителя и отклонил их как необоснованные в подробном и надлежащим образом мотивированном решении...[Е]сли имело место судебное разбирательство на внутригосударственном уровне, в задачу Суда не входит подмена своей собственной оценкой фактов оценки внутригосударственных судов, и, как правило, именно внутригосударственные суды должны оценивать представленные им доказательства...[Н]ациональные власти находятся в лучшем положении для оценки не только фактов, но и, в частности, достоверности утверждений свидетелей, поскольку именно они имели возможность видеть, слышать и оценивать манеру поведения соответствующих лиц...[В]нутригосударственные решения в настоящем деле, в частности, решение Верховного Суда [Российской Федерации], удовлетворяют вышеуказанным требованиям и, как представляется, согласуются с выводами в прецедентно[й] [практике] Суда» (пункт 30 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...заявитель ничем не подкрепил свои опасения относительно опасности подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане и, таким образом, не смог обосновать свои утверждения о том, что его экстрадиция в эту страну будет осуществлена в нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 31 решения).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 30225/11 «**Бакоев против Российской Федерации**» (вынесено 5 февраля 2013 г., вступило в силу 5 мая 2013 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд осознает тот факт, что в ряде случаев он устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в делах, касавшихся выдачи или высылки в Узбекистан. Однако заявители в этих делах преследовались по обвинениям, мотивированным политическим и/или религиозным преследованием ... Европейский Суд также установил, что заявитель подвергается реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, хотя он разыскивался не по политическим мотивам. Вместе с тем в этом деле Европейский Суд учел, что члены семьи заявителя были задержаны или преследовались в Узбекистане, что их версии жестокого обращения были взаимно согласованными и представлялись достоверными и что сам заявитель ранее задерживался и осуждался при подозрительных обстоятельствах. В связи с этим Европейский Суд признал описание заявителем жестокого обращения, имевшего место ранее, подробным и убедительным (пункт 116 постановления).

[3] заявитель разыскивается властями Узбекистана по обвинению в мошенничестве. В своих объяснениях Европейскому Суду заявитель прямо указал, что не является членом политической или религиозной организации ... Кроме того, как отметил Московский городской суд в решении от 19 октября 2011 г., в разбирательстве о выдаче Узбекистану заявитель отрицал, что когда-либо подвергался политическим преследованиям в этой стране, и не ссылался на то, что лично он подвергался жестокому обращению со стороны правоохранительных органов Узбекистана. Точно так же он никогда не упоминал, что его родственники, которые проживают в Узбекистане..., проявляли политическую или религиозную активность или преследовались (пункт 117 постановления).

Европейский Суд отмечает, что в национальном разбирательстве и своих объяснениях Европейскому Суду заявитель в общих выражениях упоминал угрозу жестокого обращения. По сути единственный довод, выдвинутый им в поддержку своего утверждения, заключался в ссылке на практику нарушений прав человека, включая пытку, распространенную в Узбекистане. *Заявитель не делал попыток в национальном разбирательстве или Европейском Суде сослаться на личные обстоятельства и обосновать опасение жестокого обращения в Узбекистане* (пункт 118 постановления).

Европейский Суд признает, что национальные власти, включая суды двух инстанций, надлежащим образом рассмотрели доводы заявителя и отклонили их как необоснованные подробными и мотивированными решениями. Материалы дела не дают оснований сомневаться в том, что власти страны адекватно оценили угрозу жестокого обращения в случае выдачи заявителя Узбекистану. Европейский Суд не усматривает причин для отхода от выводов судов страны при обстоятельствах настоящего дела (пункт 119 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его содержание под стражей привело к нарушению подпункта пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В этой связи Суд отметил, что «...заявитель никогда не утверждал, что находился в правовом вакууме. Напротив, заявитель утверждал, что власти задержали его на основании статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Суд отмечает, что в рамках соответствующего национального законодательства, в отношении лиц, задержанных в соответствии с вышеуказанной статьей, должен быть составлен официальный протокол, и они должны его подписать. Кроме того, данные лица должны быть допрошены, и должны быть составлены протоколы их допроса... Поэтому, допуская, что заявитель был задержан на основании вышеуказанных правовых положений, он должен был, в принципе, иметь при себе копии этих документов и мог бы представить их Суду, чтобы подтвердить свои утверждения. Кроме того, заявитель не представил никаких документальных доказательств того, что в течение рассматриваемого периода он предпринимал попытки обратиться в суд, оспаривая свое предполагаемое задержание. Данная возможность была предоставлена ему в соответствии с национальным законодательством... В этой связи, Суд считает необходимым отметить, что, как видно из обстоятельств дела, на протяжении всего разбирательства в ожидании экстрадиции в Узбекистан интересы заявителя были представлены адвокатом, и заявитель никогда не утверждал о невозможности связаться с защитником в любой момент, во время своего предполагаемого задержания» (пункт 136 постановления).

Суд установил, что «..в обоих постановлениях [о заключении под стражу] прокурор ссылался на пункт 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса РФ - положение, которое дало ему право заключить заявителя под стражу без получения санкции суда Российской Федерации, ввиду получения им требования о выдаче заявителя, которое сопровождалось постановлением иностранного суда о заключении заявителя под стражу» (пункт 143 постановления).

Европейский Суд усомнился в том, что «... сами по себе, вышеупомянутые правовые положения удовлетворяют требованиям «качества закона»... Действительно, в положении ничего не говорится о порядке, который необходимо соблюдать при вынесении постановления о заключении под стражу или продлении срока содержания лица, выдача которого запрашивается, под стражей, а не устанавливать какие-либо сроки для содержания под стражей» (пункт 144 постановления).

Суд подчеркнул, что «...постановления прокурора, рассматриваемые в настоящем деле не ссылались на какие-либо положения внутреннего законодательства, будь то положения главы 13 Уголовно-процессуального кодекса РФ или иным способом подтверждающие компетенцию данного прокурора выносить постановления о заключении заявителя под стражу. Также в постановлениях не был установлен срок содержания заявителя под стражей или даны ссылки на национальные правовые положения об установлении такого срока» (пункт 147 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...лишение свободы, которому подвергся заявитель, не сопровождалось адекватными гарантиями защиты от произвола. Будучи примененной подобным образом, национальная система не защитила заявителя от произвольного содержания под стражей, и по этой причине содержание его под стражей не может считаться «законным» в контексте пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 149 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 55822/10 *«Шакуров против Российской Федерации»* (вынесено 5 июня 2012 г., вступило в силу 22 октября 2012 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд осознает тот факт, что в ряде случаев он устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в делах, касавшихся выдачи или высылки в Узбекистан. Однако заявители в этих делах преследовались по обвинениям, мотивированным политическим и/или религиозным преследованием Заявитель в настоящем деле преследовался в Узбекистане *по обвинению в дезертирстве*, которое относится к разряду обычных уголовных преступлений Хотя заявитель привел довод об угрозе политического преследования, в частности, по причине плохого знания узбекского языка, этот довод не является обоснованным (пункт 136 постановления).

Европейскому Суду не было предоставлено никаких доказательств того, что русскоязычные и не имеющие узбекского происхождения лица, подозреваемые в совершении преступлений, подвергались иному обращению, чем подозреваемые в совершении преступлений этнические узбеки. *Доводы заявителя о том, что в Узбекистане любой подозреваемый подвергается угрозе жестокого обращения, не являются убедительными.* К тому же материалы, представленные Европейскому Суду, не указывают на то, что заявитель принадлежит к какому-либо запрещенному религиозному движению или какой-либо уязвимой группе, подвергаемой жестокому обращению в запрашивающем государстве, или что он или члены его семьи ранее преследовались или подвергались жестокому обращению в Узбекистане ... Таким образом, заявитель не обосновал каких-либо личных обстоятельств, которые оправдывали бы его опасения по поводу жестокого обращения в этой стране (пункт 137 постановления).

[В] рамках процедуры выдачи заявитель в основном отвергал обвинения, выдвинутые против него в Узбекистане, и ссылаясь на общие неудовлетворительное экономическое положение и ситуацию с правами человека в этой стране. Он утверждал, что покинул Узбекистан в целях обеспечения благополучия семьи, в частности, материального положения ... Заявитель не обращался за предоставлением ему политического убежища или статуса беженца до января 2010 года, то есть после его заключения под стражу в целях выдачи и истечения более чем семи лет после прибытия в Россию ... Заявитель приводил те же основания в своих ходатайствах, что и в жалобах на

решение о выдаче ... На допросе в ФМС в марте 2010 года заявитель утверждал, что опасается лишения свободы за дезертирство, уголовное преступление, которого он не совершал ... Очевидно, заявитель не обжаловал отказы в предоставлении ему статуса беженца и политического убежища в национальных судах. Европейский Суд далее отмечает, что только во втором ходатайстве о предоставлении временного убежища в январе 2011 года заявитель сделал попытку обосновать свои опасения жестокого обращения в результате политически мотивированного преследования, ссылаясь на доклады международных наблюдателей и прецедентную практику Европейского Суда, хотя и касавшихся различных контекстов (пункт 138 постановления).

[З]аявитель не подтвердил предположения о персональной угрозе жестокого обращения в Узбекистане, и, таким образом, не обосновал свои доводы о том, что его выдача будет нарушать статью 3 Конвенции (пункт 139 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 66317/09 «*Элмуратов против Российской Федерации*» (вынесено 3 марта 2011 г., вступило в силу 15 сентября 2011 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд учитывает тревожные доклады о ситуации с правами человека в Узбекистане..., которая, по общему признанию, далека от идеального состояния. Несмотря на это он подчеркивает, что ссылки на общую проблему относительно прав человека в конкретной стране не могут сами по себе служить основанием для отказа в выдаче (пункт 82 постановления).

Европейский Суд учитывает, что в нескольких случаях он установил нарушение статьи 3 Конвенции в делах, касавшихся выдачи лиц Узбекистану. Однако заявители в этих делах обвинялись в политических преступлениях... и, таким образом, являлись представителями группы, систематически испытывающей на себе практику жестокого обращения (пункт 83 постановления).

Заявитель в настоящем деле обвинялся в Узбекистане в краже при отягчающих вину обстоятельствах, обычном преступлении против права собственности. Он не утверждал, что преследовался по политическим мотивам. Также он не утверждал, что принадлежит к какому-либо запрещенному религиозному движению. Из материалов, находящихся в распоряжении Европейского Суда, не следует, что заявитель принадлежит к какой-либо другой уязвимой группе, подвергающейся жестокому обращению в запрашивающем государстве. Доводы заявителя о том, что любой подсудимый по уголовному делу подвергается риску жестокого обращения, слишком обобщенные, а какие-либо указания на то, что ситуация с правами человека в запрашивающем государстве настолько серьезна, что вынуждает ввести полный запрет на выдачу ему лиц, отсутствуют. Следовательно, нельзя

утверждать, что заявитель указал на какие-либо личные обстоятельства, которые могут обосновать его страх перед жестоким обращением (пункт 84 постановления).

В своих доводах в Европейском Суде заявитель не указал каких-либо подробностей относительно его предполагаемых избиений. Госпитализация заявителя между 7 и 16 июня 2004 г. ... была вызвана травмами, нанесенными им самим, и не являлась следствием жестокого обращения со стороны правоохранительных органов. Заключение медицинской экспертизы, приложенное к его объяснениям по поводу приемлемости и существования жалобы..., не определяет даты причинения травм и не может само по себе являться доказательством жестокого обращения. Европейский Суд, таким образом, не может заключить, что описание заявителем предыдущего жестокого обращения в 1994 - 2004 годах является детализированным или убедительным (пункт 86 постановления).

[В]ажным является то обстоятельство, что *в ходе процедур выдачи в России заявитель ни разу не сообщал о жестоком обращении со стороны узбекских властей*. В своих жалобах на процедуру выдачи заявитель и его адвокат ссылались только на прецедентную практику Европейского Суда, которая не относилась к личной ситуации заявителя ..., и указывали на общую неудовлетворительную ситуацию с правами человека в запрашивающем государстве, как ее описывают международные наблюдатели ... Он впервые сообщил о случае жестокого обращения с ним в жалобе на отказ в предоставлении ему временного убежища 10 февраля 2010 г. ..., когда решение о выдаче стало уже окончательным. В этих обстоятельствах Европейский Суд не может установить, что заявитель обосновал свои доводы об индивидуальном характере риска жестокого обращения в запрашивающем государстве (пункт 87 постановления).

Заявитель также подал жалобу на нарушение пункта 1 (с) статьи 5 Конвенций в связи с тем, что его содержание под стражей во время рассмотрения вопроса о выдаче было «незаконным».

Суд установил, что «... тот факт, что заключение заявителя под стражу не было подтверждено постановлением суда Российской Федерации, является явным нарушением пункта 4 статьи 108 УПК РФ» (пункт 109 постановления).

Европейский Суд отметил, что «... также допуская, что изначальное заключение заявителя под стражу соответствовало положениям национального законодательства, оно перестало быть «законным» по истечению двухмесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 109 УПК РФ. В пункте 2 статьи 109 УПК РФ недвусмысленно говорится, что двухмесячный срок содержания под стражей может быть продлен до шести месяцев только на основании решения, принятого судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня. Однако в настоящем деле суды Российской Федерации не продлили срок содержания заявителя под стражей по истечении двух месяцев. Первое судебное постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей было вынесено лишь 19 октября 2009 года,

когда...городской суд просто определил, что заявитель должен быть оставлен под стражей на неопределенный период...При подобных обстоятельствах Суд обязан заключить, что после 27 июня 2009 года, то есть по прошествии двух месяцев с даты заключения под стражу, заявитель содержался под [с]тражей в нарушение национального законодательства» (пункт 110 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что «...содержание заявителя под стражей во время рассмотрения вопроса о выдаче не может быть признано «законным» в свете пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 111 постановления).